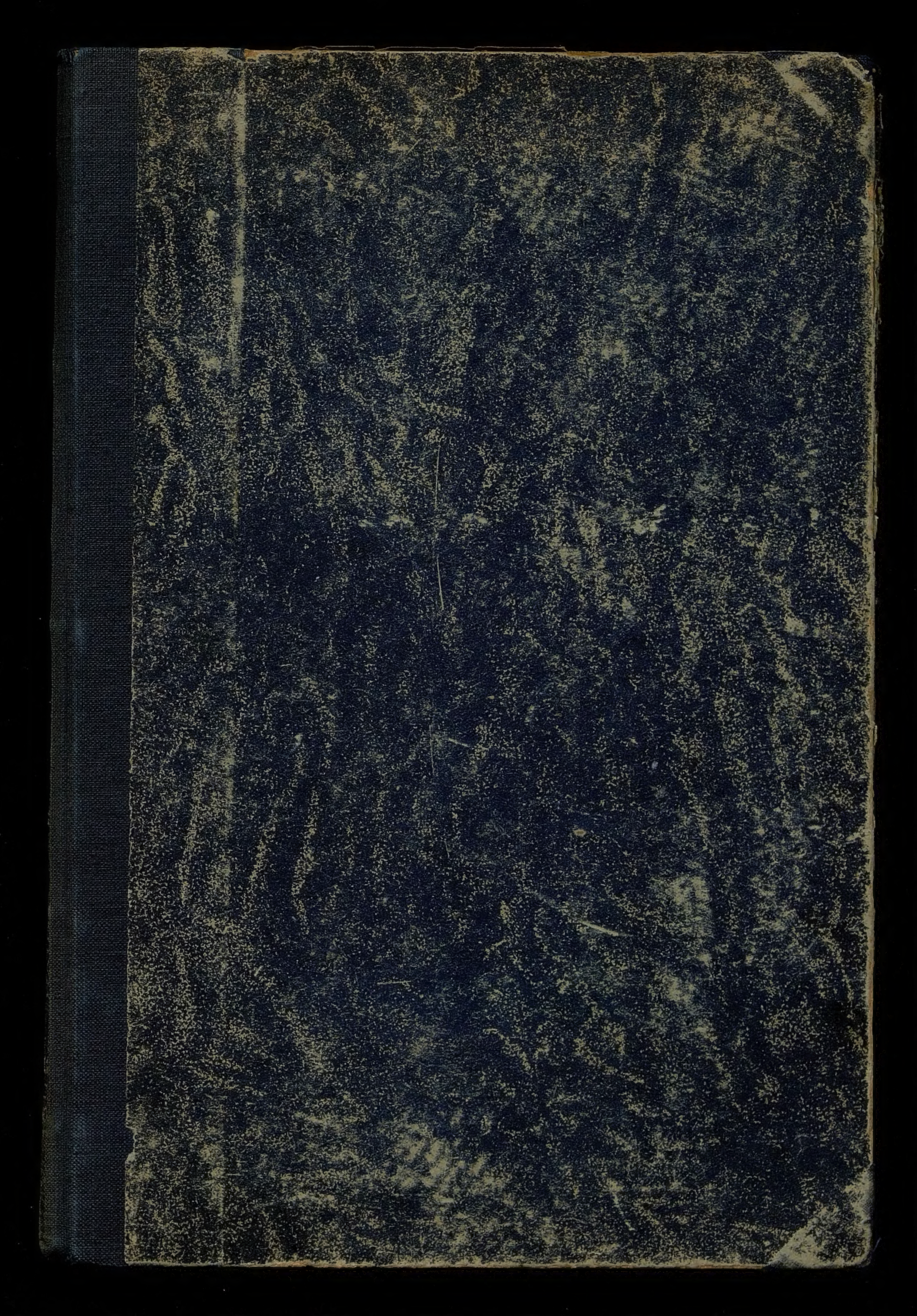


АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ · ТОМ III · ВЫП. 1

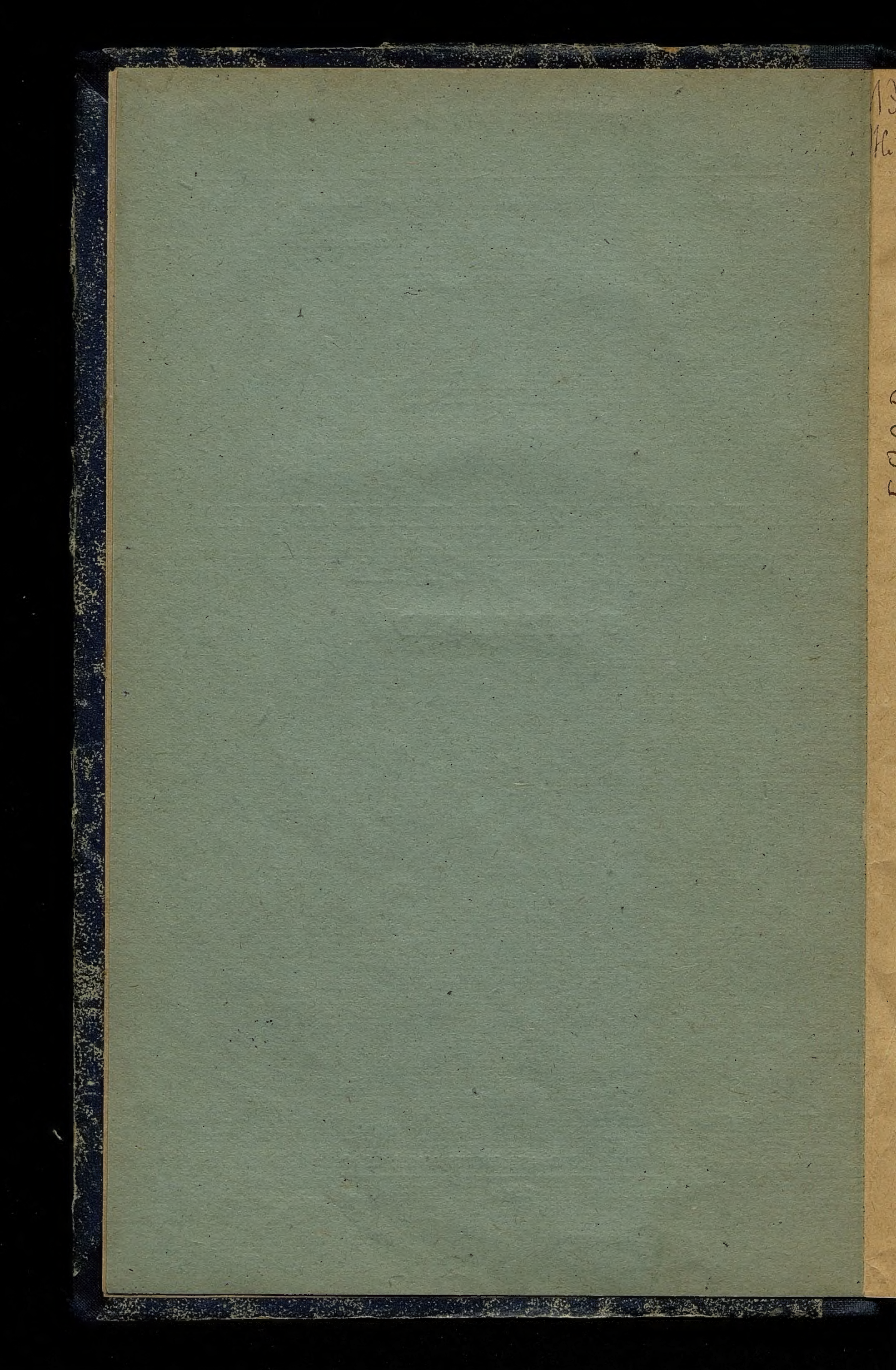
СЕРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ

А. Н. КОНДАУРОВ

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ДОМАШНЯЯ ОБЩИНА И ОБЩИННЫЕ ДОМА У ЯГНОБЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ · ТОМ III · ВЫП. 1

СЕРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ

А. Н. КОНДАУРОВ

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ДОМАШНЯЯ ОБЩИНА И ОБЩИННЫЕ ДОМА У ЯГНОБЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
директор Института Этнографии Академии Наук СССР
академик В. В. Струве

Редактор издания А. К. Боровков

Редактор издательства С. М. Абрамзон

Технический редактор О. Г. Давидович. — Корректор А. А. Мирошников

Сдано в набор 5 июня 1938 г. — Подписано к матрицированию 1 сентября 1938 г.
Подписано к печати 1 сентября 1940 г.

80 стр. (35 рис.)
Формат бум. 72 × 110 см. — 5 печ. л. — 60 192 тип. зн. в л. — 6.35 уч.-авт. л. — Тираж 1000
М836. — РИСО № 826. — АНИ № 397. — Заказ № 987

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Предметом нашего исследования является развитие жилищной архитектуры ягнобцев — одной из древнейших иранских народностей Средней Азии. Ягнобцы или „yaγnōbī“, как они сами себя называют и как называет их окружающее таджикское население, обитают в долине р. Ягноб, расположенной в северном Таджикистане, в пределах современного Захматабадского района. С севера ее отделяет от соседней Зерафшанской долины Зерафшанский хребет, с юга и юго-востока от районов Гиссарской долины и Каратегина — отроги Гиссарского хребта. Это — небольшая, узкая, замкнутая со всех сторон цепями гор долина одного из левых притоков Зерафшана. Немногочисленные путешественники и исследователи, посетившие Ягноб, отмечают в своих сообщениях его суровые природные условия, неблагоприятные для продолжительного пребывания там жителей равнин и низин. Селения ягнобцев расположены на высоте около 3000 м над ур. м. Еще до 1934 г. сообщение с долиной возможно было только летом; на зиму, с закрытием перевалов в октябре — ноябре, сообщение

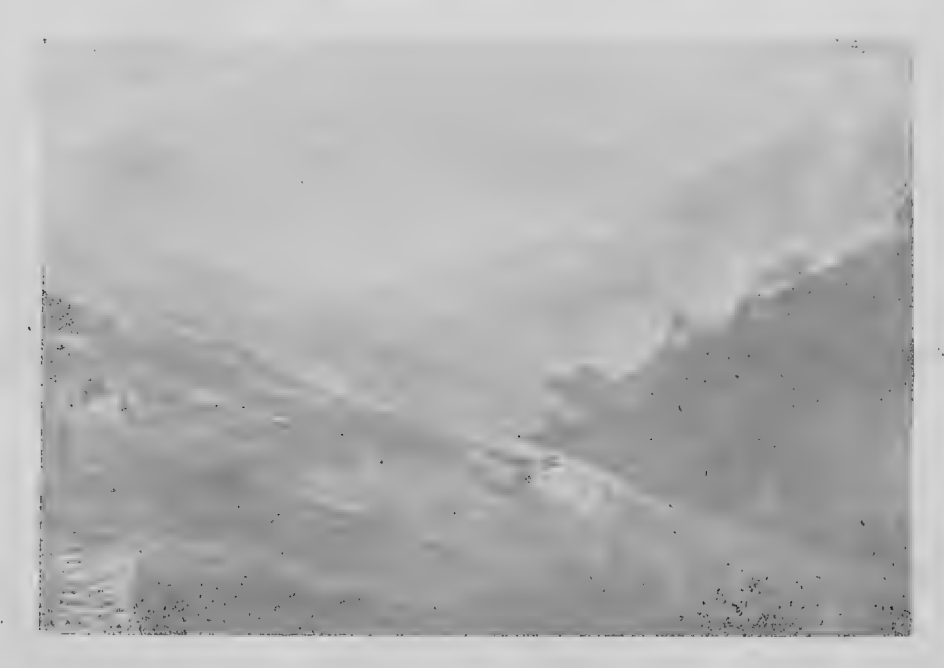


Рис. 1. Общий вид долины р. Ягноб.

прекращалось до мая; лишь тяжелый и опасный зимний путь по льду рр. Ягноб-дарья и Фан-дарья, в исключительных случаях, служил единственным средством связи с Зерафшанской долиной и районным центром Захматабадом. Прямая связь со столицей республики, Сталинабадом, через перевалы Гиссарского хребта на зиму прекращалась совершенно. Летом в Ягноб вели немногие вьючные и пешеходные тропы и перевалы через Зерафшанский и Гиссарский хребты, а также тропы и карнизы по скалистым берегам Фан-дарьи и Ягноб-дарьи. В настоящее время, с открытием автомобильного движения по шоссе Сталинабад—Ташкент, положение изменилось. Шоссе проходит Анзобским перевалом в Гиссарских горах, откуда идет спуск уже к селениям ягнобцев и дальше долиной Нижнего Ягноба и ущельем Фан-дарьи к Зерафшанской долине. Трудно переоценить сейчас все огромное значение шоссе для населения долины, для экономического и культурного подъема этого края, связанного теперь непосредственно с центром республики и с более развитыми в экономическом отношении районами Таджикистана.

В этом, изолированном прежде от внешнего мира высокогорном районе, расположенном в стороне от торговых путей Средней Азии, от более развитых в экономическом отношении районов Бухарского ханства и Русского Туркестана, сохранился до наших дней особый язык иранской группы, отличный от языка и говоров населения смежных районов. О существовании ягнобского языка стало известно в конце прошлого столетия; первые известия о нем вызвали большой интерес лингвистов. Как известно из письменных источников, древнейшими культурными народами Средней Азии были согдийцы и хорезмийцы, иранского происхождения. Существование этих народов, обладавших, по сравнению с позднейшими пришельцами (кочевниками), относительно более развитой культурой, засвидетельствовано уже на протяжении более 1500 лет до н. э.[1] Согдийцы оказали большое влияние на развитие всей среднеазиатской культуры, как носители письменности и алфавита и распространители культуры поливного земледелия, а также на развитие среднеазиатской торговли того времени.

Страна Согда, центром которой являлась область бассейна р. Зерафшана, постоянно служила объектом захвата многочисленных иноземных завоевателей, а в VIII в. н. э., после арабского завоевания Средней Азии в VII и VIII вв. н. э., стала провинцией арабского халифата. В дальнейшем она входила в состав тех или иных возникавших в Средней Азии государственных образований. Историческое существование согдийского языка засвидетельствовано вплоть до X в. н. э. В. В. Бартольд сообщает: „Население даже в Бухаре говорило в X в. еще по-согдийски, но языком официальных документов в государстве сассанидов был, наравне с арабским, только персидский...“ „Постепенно согдийский язык был вытеснен и из речи народных масс; единственным остатком его считаются в настоящее время два наречия долины речки Ягноб, одного из источников Фан-дарьи“.[2]

Наречия населения Ягноба нельзя считать прямыми остатками литературного языка Согда. Однако сравнение записей живой речи ягнобцев с памятниками согдийской письменности дало возможность специалистам высказать предположение о родстве языка ягнобцев с согдийским.

В 1934 г. была осуществлена в долину р. Ягноба экспедиция Таджикистанской базы Академии Наук СССР. Собранные этой экспедицией лингвистические материалы полностью подтвердили первоначальное пред-

---

[1] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. „Таджикистан“, Ташкент, 1925, стр. 93.
[2] Там же, стр. 100.

положение специалистов. Но не только исследование ягнобского языка, как такового, указывает на его родство с согдийским. Согдийские элементы прослеживаются в топонимике самого Ягноба и сопредельной с ним территории бассейна Зерафшана и к югу от Гиссарского хребта.[1]

Таким образом следует предполагать в лице ягнобцев, а возможно и в лице таджикского населения долины р. Зерафшан, на всем ее протяжении от верховьев до Пенджикента, потомков населения Согдианы, заселявшего равнинные и горные области бассейна Зерафшана свыше десяти столетий тому назад.

Ягнобское общество совершенно не изучено в этнографическом отношении, если не считать некоторых заметок и отдельных сведений о нем, несмотря на большой интерес к нему лингвистов, историков и этнографов, вызванный указанными выше причинами.

Эти соображения и послужили основанием для поездок автора настоящей работы в долину Ягноба в 1934 и 1936 гг. Задачей их было изучение тех остатков предшествующих стадий общественного развития ягнобцев, которые еще можно засвидетельствовать в настоящее время или о которых можно говорить, что они существовали в недавнем прошлом. Наиболее существенным результатом полевой работы был сбор материалов о ягнобском жилище и пережитках патриархальной домашней общины. Наша работа представляет собой первую попытку выяснения прошлых стадий общественного развития ягнобцев на основании изучения их жилищной архитектуры. Недостаток материала затрудняет разрешение поставленной задачи. Однако именно это обстоятельство заставляет предложить вниманию читателя собранные сведения и наши соображения о типах жилищ ягнобцев. Укажем еще на то, что до настоящего времени нет специальных работ, посвященных исследованию архитектурных форм, как материальных памятников древнейших эпох в истории народов Средней Азии.

Наше исследование основывается на учении марксизма-ленинизма о первобытном обществе и, в частности, на высказываниях основоположников марксизма об обусловленности архитектурных форм социально-экономическими отношениями данной исторической эпохи. В эпоху классового общества мы не находим тех архитектурных форм, которые свойственны первобытно-коммунистическому обществу; равно и на различных стадиях развития одного и того же общественного строя нет одних и тех же архитектурных форм, а если они и встречаются, то лишь в качестве пережиточного явления. В третьем черновике своего письма к В. Засулич К. Маркс пишет: „В сельской общине дом и его придаток, двор, принадлежат землевладельцу в собственность. Общий дом и коллективное жилище были, наоборот, экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни. Конечно, встречаются сельские общины, в которых дома, хотя и перестали служить местом коллективного обитания, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование комбинируется, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более древней к сельской общине в собственном смысле“.[2] В „Немецкой идеологии“ имеется указание о том, что в эпоху классового общества „раздельное домашнее хозяйство становится еще более необходимым вследствие дальнейшего развития частной собственности“.[3]

[1] М. С. Андреев. По Таджикистану. Ташкент, 1927, стр. 11.
[2] Архив Маркса и Энгельса. Госиздат, 1930, стр. 284.
[3] Маркс и Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 19 (подстрочное примечание).

Раздельное домохозяйство появляется еще в предшествующую эпоху. „Сам собой разумеется, — пишет Маркс, — что у дикарей каждая семья имела свою пещеру, а у кочевников — отдельный шатер“.[1] Под семьей, очевидно, следует подразумевать группу родственников, сородичей, объединенных общим домохозяйством. Сородичи, обитавшие в пределах ограниченной территориальной единицы, объединялись в общее коммунистическое домашнее хозяйство (на началах матернитета), состоящее из женщин и их детей, членов одного и того же рода, и мужчин из других родов. В этом смысле, нам представляется, и надо понимать существование раздельного хозяйства в период дикости. В эпоху патриархата место коммунистического домохозяйства занимает патриархальная домашняя община. Здесь члены одного и того же рода, опять-таки, входят в состав различных домохозяйств уже на началах патриархата — мужчины и дети, члены одного и того же рода, и женщины из других родов. Маркс говорит о том, что раздельное домохозяйство неотделимо от частной собственности. Эпоха патриархата есть как-раз эпоха упадка родового строя, развития частной собственности, следовательно и раздельного домохозяйства, в результате чего с разложением патриархальной общины, с падением родового строя развивается раздельное домохозяйство индивидуальной (моногамной) семьи современного цивилизованного мира. Наконец, в „Капитале“ Маркс показал, что при капитализме жилище, прежде всего, отражает отношения классов буржуазного общества. Исследуя всеобщий закон капиталистического накопления, Маркс пользуется материалом, иллюстрирующим жилищные условия рабочего класса.[2]

Наше исследование в значительной степени также опирается на классический труд Л. Г. Моргана „Дома и домашняя жизнь американских туземцев“, в котором Морган, на примерах анализа архитектуры американских племен, вскрыл закономерность развития архитектурных форм общества в эпоху варварства. Вскрыв эту закономерность, Морган объяснил археологические памятники „пуэбло“ американских племен и доказал всеобщее распространение в прошлом первобытного коммунизма у племен обоих американских континентов. В предисловии к своему труду Морган говорит: „Все формы исследуемой автором архитектуры представляют собой производное некоей общей идеи и отражают различные стадии развития одних и тех же концепций, отражающих одинаковые потребности...“ „Если изучить всю эту архитектуру, как единую систему, вытекающую из общих потребностей, однородного опыта и единообразных учреждений, то мы видим, что она выражает особый строй жизни, своеобразный, оригинальный и характерный“.[3] Следует отметить, что современная буржуазная этнография стремится доказать несостоятельность концепции Моргана, изложенной в его „Древнем обществе“; а его работа „Дома и домашняя жизнь американских туземцев“, которая по первоначальному замыслу Моргана должна была составить пятую часть „Древнего общества“, упорно замалчивается.

Морган показал, какое исключительное значение имеет изучение жилищной архитектуры примитивных племен для понимания социально-экономического строя первобытно-коммунистического общества, тем самым и для понимания „доистории“ культурных народов. „Если мы подойдем к изучению большой проблемы культуры американских индейцев, то ключ к ее разрешению дают нам домашний быт и строй домашней жизни туземцев...“ „Изучая жизненные условия американских индейцев

---

1 Маркс и Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 19.
2 К. Маркс. Капитал, т. I, гл. 23, § 5.
3 Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 3.

в эти периоды истории (в древний и средний периоды варварства, — *А. К.*), мы раскрываем известную часть утраченной истории нашей собственной расы".[1]

Рассматривая архаичные формы архитектуры, как материальные памятники прошлых исторических эпох, этнограф ставит по отношению к реконструкции древних этапов в истории народов Средней Азии те же самые цели, которые ставил перед собой Морган, оказывая тем самым существенную услугу исторической науке.

Мы считаем необходимым оговорить, что наше исследование, как уже видно из заглавия, не ставит себе целью реконструкцию всех этапов общественного развития ягнобцев, воссоздание истории этого общества.

Эта задача может быть выполнена только при наличии большого материала, которым мы, к сожалению, еще не располагаем.

Равно и попытка реконструкции всех стадий развития ягнобской архитектуры не могла быть успешной за отсутствием достаточных материалов. Описание ягнобского типа жилища и определение границ его распространения также не являются центральной задачей данной работы. Ягнобские постройки мало отличаются от построек таджиков как в самом Ягнобе, так и в смежных с ним высокогорных районах; некоторые же особенности их мы отмечаем. Развитие жилища, как свидетельствуют об этом вышеприведенные высказывания основоположников марксизма, обусловлено социально-экономическим строем общества в данную историческую эпоху. Поэтому одни и те же архитектурные формы мы можем находить у различных этнографических групп. Они не могут быть присущи только одному какому-либо народу. Отличия же в технике домостроения, в строительном материале, даже в размере и внутренней отделке жилья могут объясняться специфическими, чисто местными условиями. Задача описания этих отличий не стоит перед нами, и постановка ее в качестве самостоятельной, а не подсобной темы исследования вряд ли целесообразна вообще. Таким образом мы ставим себе целью, как сказано выше, постановку проблемы изучения архитектурных форм у населения горных областей Средней Азии, сохранившего вплоть до последних десятилетий многие остатки предшествовавших социально-экономических укладов, беря за отправной пункт исследования ягнобскую архитектуру.

1937 г.

* * *

Настоящая работа закончена автором в 1937 году, сдана в печать и заматрицирована в 1938 году, до выхода в свет „Краткого курса истории ВКП(б)". Этим обстоятельством объясняется употребление автором ныне устаревших терминов, таких, как „первобытный коммунизм", „первобытно-коммунистическое общество" и т. п.

Февраль 1940 г.

---

[1] Там же, стр. 3—4.

СЛЕДЫ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ ДОМАШНЕЙ ОБЩИНЫ

Рассматривая типы жилищ ягнобцев как материальные памятники их общественного развития, мы не можем пройти мимо остатков домашней общины, сохранявшихся в недалеком прошлом в производстве и социальной организации ягнобского общества. Поэтому, прежде всего, мы должны выяснить, на какой стадии общественного развития находилось изучаемое нами общество к моменту Октябрьской Социалистической революции.

Как и все районы горного Таджикистана, расположенные в стороне от крупных среднеазиатских центров развитой торговли и ремесел, от торговых путей, Ягноб сохранил вплоть до революции многие черты натурального хозяйства. При натуральном хозяйстве „производство было рассчитано, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло, прежде всего, потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в земледелии, существовала личная зависимость, производство удовлетворяло также потребности феодального господина. Следовательно, здесь не существовало обмена и продукты не принимали характера товара. Крестьянская семья производила все для нее нужное: орудия и одежду так же, как и пищу. Производить на продажу она начинала только тогда, когда у нее оставался излишек от собственного потребления и после уплаты натуральных повинностей господину; этот пущенный в обмен излишек становился товаром“.[1]

Процесс разложения натурального хозяйства в Ягнобе к моменту Октябрьской Социалистической революции еще не был закончен.

Состояние сельского хозяйства ничем существенным не отличалось от смежных горных районов Русского Туркестана и Восточной Бухары, населенных таджиками. Земледелие, преимущественно богарное, с применением искусственного орошения на удобных землях, и разведение домашнего скота составляли важнейшие источники средств существования населения. Характерным явлением до Октябрьской Социалистической революции было еще массовое отходничество мужчин в города зимой, на заработки. Осенью, с прекращением полевых работ, вплоть до закрытия перевалов в горах, отходники шли большими партиями в города Туркестана и Бухарского ханства, где работали в качестве чернорабочих на всевозможных строительных работах, грузчиками, водоносами, арбакешами и т. п. Значительная часть их, не находя работы, нищенствовала, пытаясь таким способом скопить хотя бы часть средств, необходимых для уплаты многочисленных налогов и поборов. Массовое отходничество и нищенство явились неизбежным следствием принявших широкие размеры разорения и пауперизации дехканских хозяйств; пауперизация населения была, в свою

[1] Ф Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XIV, Соцэкгиз, стр. 275.

очередь, вызвана тем крайне тяжелым состоянием сельского хозяйства, к которому привело его бремя налогов и многочисленных остатков натуральных повинностей в пользу представителей местного аппарата управления. Привилегии чиновничества, духовенства, местной сельской администрации, систему эксплоатации и натуральных повинностей населения не устранило завоевание края царизмом в 70-х годах XIX столетия. Завоевание лишь усугубило тяжелое положение дехканства добавочными поборами и ограничениями прав населения в общинном пользовании пастбищами, земельными угодиями и древесными зарослями. Безудержная эксплоатация трудящегося дехканства имущей верхушкой кишлака, использовавшей общинные порядки и обычаи, в сочетании с колониаль-

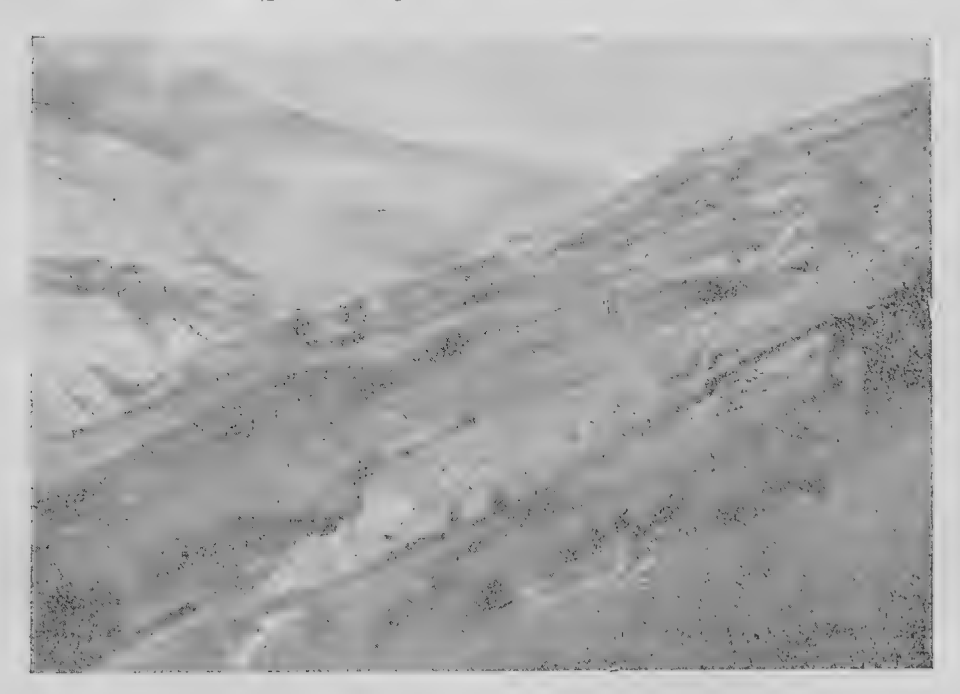


Рис. 2. Окрестности сел. Номиткон; долина р. Ягноб в среднем течении.

ным гнетом усилила процесс массового разорения дехканства. В результате сельское хозяйство районов Зерафшана, в том числе и Ягноба, зашло в тупик экономического и технического застоя. Выделение нескольких крупных, кулацкого типа, хозяйств в Ягнобе, использовавших бесплатный труд родственников на своих землях и увеличивших свою земельную собственность до размеров небольших поместий за счет разорявшихся хозяйств односельчан, не способствовало подъему сельского хозяйства. Бесплатный и низкооплачиваемый труд, избыток рабочих рук безземельных дехкан делали излишним в Ягнобе совершенствование способов обработки почвы и применение более совершенных орудий труда. Техника земледелия оставалась на крайне низком уровне. В Ягнобе применялись наиболее примитивные из распространенных в горных районах и общеизвестных земледельческих орудий. Орудиями пахоты и обработки почвы служили: омач — деревянный плуг с железным наконечником, железная мотыка — кетмень, и деревянная борона такого же типа, как у зерафшанских таджиков. Обмолот хлеба производился на току ногами волов, без применения каких-либо орудий, кроме деревянных лопаты и вил, которыми

раскладывали и подравнивали снопы на току, и деревянных колотушек, которыми выбивали зерна из колосьев ручным способом. На этом, собственно, и исчерпывается список сельскохозяйственных орудий. Земледельческая техника Ягноба, повидимому, оставалась на том уровне, какого она достигла много столетий назад у древних земледельцев Средней Азии, научившихся искусству выплавки железа и выделки из него орудий обработки почвы.

Важнейшей земледельческой культурой в Ягнобе еще недавно являлся ячмень. Он был одним из основных продуктов питания населения, а также употреблялся в качестве корма для скота. Ячмень и в настоящее время играет значительную роль в хозяйстве, как корм для скота. Кроме него, в довольно значительном количестве сеется уже пшеница. До революции посевы пшеницы были только у зажиточных хозяйств. Бедняцкие же хозяйства довольствовались хлебом из гороховой муки с небольшой примесью ячменя. Весной, с появлением в горах трав, население собирало дикорастущие съедобные растения: katk, šōwáiša, ruşim, sirvič, rḗna; они употреблялись в качестве приправы к горячей пище и играли большую роль в пищевом режиме населения, особенно летом, когда приходили к концу зимние запасы хлеба. Фрукты и овощи совершенно не вызревают в Ягнобе. В прошлом они были доступны немногим, выменивались у приезжавших в Ягноб торговцев из Зерафшанской долины или покупались в соседних районах северного Таджикистана и в Гиссарской долине.

Все перечисленные нами основные земледельческие культуры выращивались как на богарных, так и на поливных землях. Недостаток удобных земель и условия высокогорной местности не позволяли расширять площадь искусственно орошенных земель. Состояние земледельческой техники делало невозможным дальнейшее увеличение не только поливной площади, но и богары (естественно орошаемых земель). Все земли, которые можно было обработать примитивными орудиями труда, были возделаны. Лучшими участками владели зажиточные и эксплоататорские слои населения. Низкие урожаи, недороды, гибель посевов повторялись в Ягнобе ежегодно. При таких условиях излишки сельскохозяйственной продукции могли быть только у незначительного числа имущих хозяйств; основная же масса произведений земледельческого труда потреблялась самим населением.

Наличие высокогорных пастбищ создавало благоприятные условия для развития скотоводства. Действительно, довольно крупные стада овец и коз паслись на богатых горных пастбищах. Однако эти стада, по рассказам населения, принадлежали тем же представителям эксплоататорской части общества — лицам духовного звания и чиновникам. Основная же масса населения еле обеспечивала собственные потребности.

Земледелие и скотоводство доставляют и теперь населению все основные продукты питания: хлеб, мясо, молочные продукты. Продукты скотоводства (кожа и шерсть) служат также сырьем для домашнего производства предметов первой необходимости. В настоящее время получили широкое распространение в быту произведения городского фабричного производства: ткани, готовая одежда и обувь, предметы убранства жилища. Ранее же каждое домохозяйство само производило для собственных нужд как пищу, так и одежду и обувь, кожаную и глиняную утварь, груботканые ковры-паласы, кошмы и сшитые шкуры животных (необходимые части убранства жилища) и другие необходимые предметы домашнего обихода. Производство перечисленных нами предметов мы в праве назвать домашней промышленностью, пользуясь следующим определением В. И. Ленина: „Домашней промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает.

Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство".[1] Домашние производства у ягнобцев находились всецело в руках женщин; лишь выделкой и ремонтом обуви занимались преимущественно мужчины. Подготовка основы для изготовления шерстяной ткани также составляла одно из домашних занятий мужчин в свободное от полевых работ время.

Из домашних производств, кроме ткачества, выделки шкур, производства одежды и обуви, отметим еще женское производство глиняной утвари ручным способом (без гончарного круга), широко распространенное в прошлом. Ягнобская утварь домашнего производства изготовлялась из глины или кожи. Снятые целиком шкуры животных (овец и коз) служили сосудами для жидкости (кислого молока) и хранилищами различных сыпучих тел; вся остальная утварь, употреблявшаяся во время приготовления пищи, трапезы и для целей хранения готовой к употреблению пищи, была преимущественно глиняной. Изготовлением этой глиняной утвари занимались женщины в каждом домохозяйстве. Можно и теперь еще встретить женщин, достигших большого искусства в керамическом производстве. Таких женщин (usto — мастер) нам называли в селениях Номиткон, Дехи-балянд и Куль. Эти мастерицы обучают своему искусству односельчанок, а ранее они производили некоторое количество посуды для соседей и родственников, получая в вознаграждение немного зерна, муки, молока и т. п.

Естественные условия (наличие необходимого сырья — глины, добыча которой не составляет затруднений, потребности самого производителя) способствовали совершенствованию ручного керамического труда, технических навыков его. Таким естественным путем выдвигались отдельные способные мастерицы. Понятно поэтому наличие отдельных семей в прошлом, для которых производство керамических изделий являлось дополнительным источником средств существования. Однако мы не можем назвать их ремесленниками-профессионалами, для которых гончарное производство являлось бы основным занятием.

В настоящее время в ходу уже посуда фабричного производства, и, следовательно, изготовление ягнобской посуды ремесленником с целью сбыта в самом Ягнобе или же в соседних с ним районах потеряло всякий смысл.

Итак, мы убеждаемся в том, что домашние производства в Ягнобе до революции полностью отвечали потребностям существования самой семьи и что они служили необходимым дополнением сельскохозяйственного труда. Внутри самих патриархальных домохозяйств находились лица, преимущественно женщины, специализировавшиеся в области переработки произведений земледелия и скотоводства. Однако это было простое разделение труда между отдельными членами патриархальной общины, объединившимися в целях совместной добычи средств существования.

В нашем примере мы не находим черт, присущих ремеслу, хотя бы и на самой ранней стадии его развития. В данном случае отсутствуют заказчик и производство изделий по заказу. Отходничество, как мы убедились выше, носило совсем иной характер, нежели отход ремесленников-профессионалов на заработки. Таким образом мы не можем говорить о наличии ремесла в Ягнобе, хотя бы к моменту Октябрьской Социалистической революции, и должны признать, что предшествующая ступень (домашняя промышленность) оставалась до революции единственно господствующей

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. III, изд. 3-е, 1934, стр. 254.

формой „общественно-экономических отношений в обрабатывающей промышленности“,[1] еще не отделенной от патриархального земледелия.

Отсутствие собственных ремесел вынуждало к приобретению всех металлических изделий и металлической утвари, а равно и деревянных изделий, извне, в торговых центрах б. Самаркандской области. Земледельческие орудия, по рассказам населения, также не производились в самом Ягнобе, а приобретались путем обмена в районах Каратегина и Зерафшана, где и до настоящего времени приобретается получившая широкое применение в быту деревянная утварь. В отличие от керамики, естественные условия не благоприятствовали развитию собственных металлообрабатывающего и деревообделочного производств, так как отсутствовало сырье (легко доступные металлы и дерево, — его крайне мало в этом высокогорном районе), необходимое для этих производств. Население пользовалось для изготовления бытовых предметов легко доступным материалом: глиной, которая находится всюду под рукой в изобилии, плетенкой из соломы, кустарником (производство корзин), кожами, шерстью и другим сырьем.

Из всего сказанного становится очевидным, что в экономическом отношении долина Ягноба была, по существу, замкнутым и изолированным от внешнего мира районом; экономические же связи Ягноба с соседними районами (приобретение там сельхозинвентаря и металлической утвари) не вышли далеко за рамки натуральных отношений.

Обратимся теперь к пережиткам первобытно-коммунистических отношений в социальной организации общества, сопровождавшим до-капиталистические отношения в производстве.

У В. И. Ленина мы находим следующее положение: „При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению“.[2] Распределение в таких хозяйственных единицах исключает товарный обмен, а следовательно, и превращение продуктов труда в товары и стоимости. „В древних индийских общинах и в южно-славянских семейных общинах продукты труда не превращаются в товары. Члены общины соединяются в общество непосредственно для производства, работа распределяется согласно обычаю и потребностям, точно так же и продукты, поскольку они тратятся непосредственно на потребление. Непосредственное общественное производство, как и прямое распределение, исключает товарный обмен, а следовательно, и превращение продуктов в товары (по крайней мере внутри общины), а вместе с тем и превращение их в стоимости“.[3] Как показывают наши материалы, такими самостоятельными хозяйственными единицами в Ягнобе до революции были домашние общины (большие патриархальные семьи).

Мы не можем говорить о том, что к моменту революции большая патриархальная семья оставалась в развитом состоянии; однако есть все основания предполагать, что процесс становления индивидуальной семьи еще далеко не был закончен. Во время экспедиции в Ягноб в 1934 и 1936 гг. нам удалось установить там наличие так называемых больших домохозяйств. Количество членов семьи в них прежде не превышало 15—20 человек (при 4—6 членах в семье обычного типа). В среднем Ягнобе, по нашим

---

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. III, изд. 3-е, 1934, стр. 254.
[2] Там же, стр. 15.
[3] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XIV, стр. 314—315.

сведениям, имелось 11 домохозяйств, насчитывавших у себя свыше 15 человек. В большом сел. Хшартоб было 5 таких домохозяйств из 66, в кишлаках, расположенных по р. Оби-куль (левый приток Ягноба), 3 из 60. Цифры эти, а также небольшие размеры домохозяйств свидетельствуют о том, что нам пришлось иметь дело с последними, исчезающими пережитками патриархальной семьи. Приведем несколько примеров, подтверждающих, что в данном случае мы имеем дело действительно с пережитками большой семьи.

В сел. Номиткон (средний Ягноб) живет семья Мирзо Шарифа, состоящая из 17 человек.[1] В данном случае общим домохозяйством живут семьи двух родных братьев и дети их умершего дяди по отцу (amák), т. е. кровные родственники, потомки общего прадеда, ведущие счет происхождения по мужской линии. Родословная этой семьи, восстанавливаемая нами со слов самого Мирзо Шарифа (kalontar'a, — старшего в доме), свидетельствует, что в данном случае совместное проживание кровных родственников по мужской линии — не случайное явление, оно охватывает несколько поколений. Мирзо Шариф носит имя своего деда Мирзо и имя своего отца Шарифа; имя его брата Мирзо Рахим Шарифа слагается из имени его дела Мирзо, имени, данного ему при рождении — Рахим, и имени его отца Шариф. Дед Мирзо (умерший) имел 3 сыновей (также все умерли) — Ма Шарифа (отца Мирзо Шарифа и Рахим Шарифа), Ашура (отца Шариф Ашура) и Юсуфа (отца Юсуф Юсуфа, члена домохозяйства Мирзо Шарифа). Дед Мирзо имел еще младшего родного брата Давлята, от которого было 5 сыновей: Гульмахмад, Авозмахмад, Ниоз, Махмад Рахим (имени своего прадеда, отца дедов Мирзо и Давлята, а также пятого сына деда Давлята рассказчик не помнит). Все эти потомки — дети двух братьев Мирзо и Давлята и внуки одного деда, имени которого правнук Мирзо Шариф не помнит, — со своими женами и детьми жили общим домохозяйством в том же самом сел. Номиткон. В настоящее время в домохозяйстве Мирзо Шарифа живут потомки сыновей деда Мирзо (Шарифа и Юсуфа) и их дети, т. е. внуки и правнуки деда Мирзо; потомство третьего сына Мирзо (Ашура) живет отдельным домохозяйством. Из старой патриархальной общины Мирзо выделилась в прошлом семья его сына Ашура, хозяйство ведет внук Мирзо — Шариф Ашуров с семьей. Остальная группа кровных родственников живет и в настоящее время общим домохозяйством, являя собой пример переживания большой патриархальной семьи.

Другая, живущая в Номитконе семья Раджаба Юсуфа, состоит из 11 человек; в состав ее входят семьи двух родных братьев — Раджаба Юсуфа и Шариф Юсуфа. Она являет собой пример того же совместного проживания группы кровных родственников, ведущих свое происхождение от одного предка-патриарха.

Пример аналогичного переживания патриархальной семьи зарегистрирован также в среднем Ягнобе, в сел. Хшартоб. В Хшартобе живет семья Рахмон Джабора, состоящая из 15 человек. В данном случае группа кровных родственников, составляющая одно хозяйство, также ведет происхождение от одного предка-патриарха Рузи. Рузи имел 3 сыновей — Джабора, Сатора и Раджаба; из них жив один 70-летний Сатор Рузи. Он живет со своими детьми, с семьями сыновей своего умершего брата Джабора Рузи и с детьми второго брата, также умершего, Раджаба Рузи в общем домохозяйстве. Kalontar в хозяйстве и в доме — не старейший, нетрудоспособный Сатор Рузи, а старший сын его брата Джабора (рис. 3 и 4).

---

[1] А. Н. Кондауров. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев. Журн., „Сов. Этногр.“, 1935, № 6. (Помещен поименный список семьи Мирзо Шарифа и других.)

Таковы численность и состав больших домохозяйств в Ягнобе. Эти примеры характерны и для всех остальных случаев. Приведем теперь некоторые данные о внутренней организации большого домохозяйства до революции, о правах и обязанностях членов семьи, в частности „старшего“, и об имущественных отношениях.

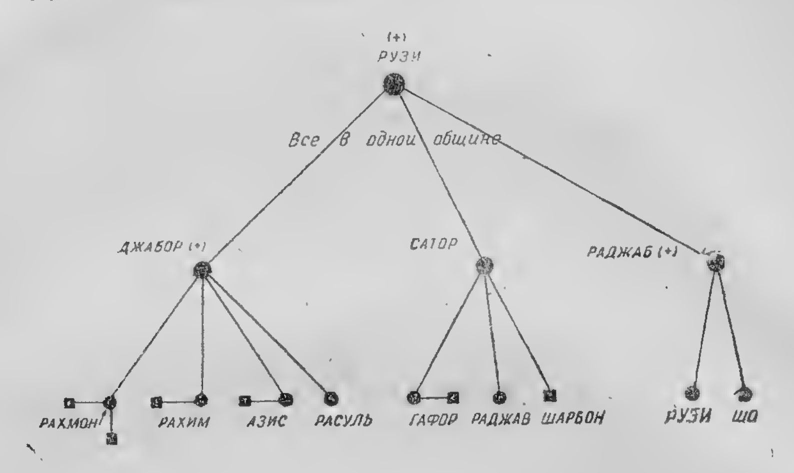


Рис. 3. Родословная семьи Рахмон Джабора.

Упомянутые нами семьи и до настоящего времени продолжают жить каждая в общих больших домах. До революции такие семьи вели совместное хозяйство, сообща обрабатывали землю и производили все необходимое для жизни. Труд в рамках такой общины был организован на общественных началах. Работы по хозяйству, в поле, по уходу за скотом

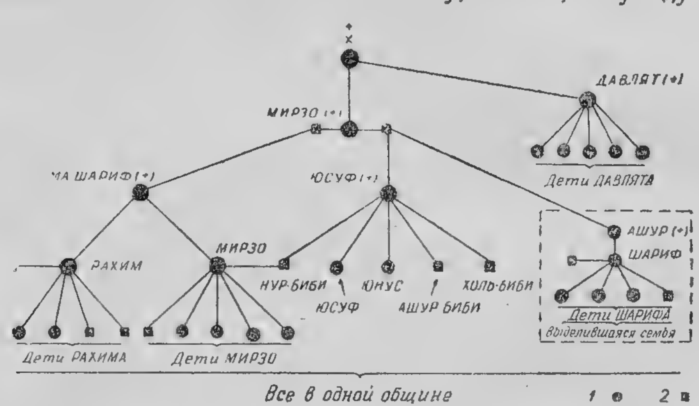


Рис. 4. Родословная семьи Мирзо Шарифа. 1 — лица мужского пола; 2 — лица женского пола.

распределялись между членами общины kalontar'ом, согласно установленному порядку; при этом kalontar сам непосредственно участвовал в различных работах. Функции kalontar'а сводились прежде всего к роли организатора трудового процесса. Земледельческие работы (пахота, посев, уход за полями, жатва, молотьба и уборка хлеба и т. д.) лежали на обязанности всех трудоспособных мужчин домохозяйства. В уборке и молотьбе хлеба принимали участие женщины. Снятый осенью урожай составлял общие запасы и не делился между отдельными членами семьи.

На обязанности женщин лежали: уход за скотом, молочное хозяйство, пошивка и починка одежды для всех домочадцев, приготовление пищи и различные другие работы по дому.

Питались все живущие в доме совместно. Решающая роль в каких-либо делах, касающихся всех членов общины, принадлежала kalontar'у. Однако kalontar не предпринимал никаких дел, не посоветовавшись предварительно со своими домочадцами на семейном совете. При этом в семейном совете, как нам указала Е. М. Пещерева, принимала участие также и старшая из женщин в доме. Эта старшая из женщин, по тому же сообщению Е. М. Пещеревой, распределяла работу между остальными женщинами и пользовалась полным признанием и уважением со стороны членов общины. Роль женщины в домашнем хозяйстве у ягнобцев, как и у горных таджиков, велика; запасы пищи в доме находятся в ведении женщины, она ими распоряжается самостоятельно, муж не вмешивается в ее распоряжения.

Общей собственностью, по рассказам населения, являлись земля, жилище и хозяйственные постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь, а также все предметы домашнего обихода, находящиеся в совместном пользовании.

Установить время, когда начались разделы больших семей, теперь уже невозможно. Процесс распада патриархальной общины, видимо, начался очень давно, о чем говорит малая численность семей.

Однако на устойчивость патриархальных отношений указывает, на наш взгляд, тот факт, что женитьба сыновей, как правило, не могла явиться причиной раздела больших семей. Еще в недавнем прошлом женатые сыновья, желавшие раздела хозяйства, предпочитали делить его после смерти отца.

После смерти главы домохозяйства „старшим" в доме становился его старший сын, при отсутствии же детей мужского пола — наиболее близкий кровный родственник по отцу. Этот традиционный порядок наследования прав kalontar'а перешел на отношения и моногамной семьи. Так, напр., все домохозяйство умершего в Номитконе Шо Махмад Шарифа перешло к Сафар Бадалу, к дяде по отцу умершего, так как у Шо Махмад Шарифа не было сыновей или других более близких, чем Сафар Бадал, родственников по мужской линии; хозяйство таким образом после смерти главы дома ликвидировалось, а две его дочери перешли в дом Сафара Бадала, к своему bovo.[1]

Нет необходимости доказывать, что существовавший порядок наследования (не только прав главы дома, но и имущества, в случае раздела) был обусловлен процессом развития индивидуальной семьи из отцовского рода. Исключение лиц женского пола, в том числе и собственных детей, из круга родственников, наследующих умершему, не может быть объяснено не чем иным, как только стремлением сохранить имущество в пределах рода.

Мы знаем, что патриархальная семья развилась из парной семьи, возникшей еще в эпоху материнского рода. Для нас важно следующее указание Фр. Энгельса: „Парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая для того, чтобы вызвать потребность или только желание обзавестись собственным хозяйством, отнюдь не разрушает унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства".[2] Это коммунистическое домашнее хозяйство или организация совместного производства и добычи средств существования не было

---

1 „Bovo" — дед по отцу или по матери; на ряду с этим употребляется другое слово — „bobi" (в том же значении).

2 Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XVI, стр. 32.

разрушено до конца и патриархальной семьей на ранней ступени ее развития. Патриархальная община основывается также на совместном производстве и добыче средств существования коллективом сородичей. Поэтому патриархальная община сохраняла многие черты коммунистического образа жизни; он исчез окончательно только с развитием моногамной семьи.

На ряду с пережитками патриархальной общины, мы находим в Ягнобе остатки сельской общины. Все используемые, обработанные под пашни земли находились до революции в единоличном владении индивидуальных дехканских семей или же больших домохозяйств, переходили по наследству от отца к сыну или к родне с отцовской стороны, могли быть проданными и использованными по усмотрению владельцев. Однако на ряду с такими землями, находившимися в частном владении, каждое селение имело общие пастбища, места выхода на летовки. В настоящее время эти пастбища находятся в общем пользовании колхозов. О тех же остатках общинного землепользования в районе верхнего бассейна Зерафшана сообщают Акимбетев и другие исследователи этого района: „Владеют землей горцы преимущественно как частной собственностью. Общинное землепользование также существует, но только по отношению выгонов, которые исконным обычаем поделены между обитателями отдельных кишлаков или же нескольких. Никто из жителей в отдельности не имеет исключительного права на выгон; право это принадлежит обществу целого кишлака или даже нескольких кишлаков. Только в Искандеровской волости есть выгоны, свободные, не составляющие ни частной ни общественной собственности. На такие-то свободные выгоны пригоняют свой скот жители других волостей Зерафшанского округа, а также жители Джизака, Заамина, Гиссара и Каратегина.

Богарные земли (ляльми) состоят в частном владении, а не в общинном, как в большинстве волостей долины. Но лицам одного и того же кишлака не возбраняется, с ведома хозяина и без платежа аренды, посеять хлеб на чужой земле, если сам хозяин не желает или не имеет средств к этому".[1] Добавим к последнему замечанию Акимбетева, что в Ягнобе до Октябрьской Социалистической революции право безвозмездного пользования землей кого-либо из своих односельчан, по рассказам населения, осуществлялось имущей верхушкой селения, т. е. духовенством, чиновничеством, сельской администрацией, уже в принудительном порядке.

В сообщении А. Куна о ягнобцах можно также найти указание на общинное землепользование: „Право на землевладение у ягнобцев наследственное, но основанное не на документах, а на давности обработки участка земли, и в случае какой-либо тяжбы, поземельный вопрос решается соседским свидетельством жителей даха (деревни)".[2]

Общинное землевладение в тех или иных формах существовало, как можно убедиться из этнографической литературы, повсеместно в районах, граничащих с Ягнобом. Чрезвычайно любопытную форму землепользования, связанную с общинным землевладением, отмечает С. Д. Масловский: „По ту сторону Гиссарского хребта, ограничивающего Ягноб с юга, лежат Гиссар и Каратегин, северные ущелья которых населены племенем, сходным по типу с ягнобцами, но говорящим уже по-таджикски, по крайней мере в тех местностях, которые удалось нам посетить. Жизнь и здесь носит тот же характер: та же бедность, тот же недостаток земли. В одном из кишлаков, недалеко от Пакшивского перевала, у населения только

---

[1] Акимбетев. Очерки Когистана. Туркест. Ведом., 1881, № 3,

[2] Искандер-Тюря (А. Кун). Сведения о Ягнаубском народе. Туркест. Ведом., 1881, № 3—4.

маленький клочок земли годен для обработки; один год им владеет одна семья, другой год — другая. Старшина этого селения говорил мне, что ни один год не обходится без резни за этот клочок, целые семьи гибли, отстаивая свое право на возделывание его".[1]

Пользование ирригационной сетью для орошения полей до революции носило также общинный характер.

Огромных усилий требовало возведение искусственных ирригационных сооружений: плотин, каналов и т. д. Возведение новых каналов, очистка их от ила и ремонт ирригационной сети производились теми несовершенными орудиями, о которых мы упоминали выше. Работа производилась всем селением сообща или даже жителями целой округи и распределялась между участвующими по указанию местной сельской администрации. Такой порядок существовал не только на равнине, но и в горах.[2] Распределение воды по участкам пашни отдельных хозяйств регламентировалось согласно установленному порядку водопользования.

Этот возникший естественным путем порядок водопользования, первоначально отвечавший нуждам самого населения и составлявший одно из необходимых условий коллективного земледельческого производства, впоследствии выродился в одну из форм эксплоатации трудящегося дехканства.

Об остатках коллективного производства свидетельствует целый ряд бытовавших в недавнем прошлом явлений. Так, напр., выход на летовку и возвращение с нее были одновременны для всех семейств. Цель выхода — прокорм скота на подножном корму и заготовка молочных продуктов и травы на зиму.[3] Эти летовки у отдельных селений были, как правило, постоянными; туда гонялся скот из года в год. Иногда, однако, по рассказам дехкан, происходил дележ мест для летовок между селениями, что лишь подчеркивает общинный характер прав селений на определенные выпасы и покосы.

В целях заготовки сразу большого количества масла, сыра и других молочных продуктов женщины-односельчанки объединялись в своеобразные товарищества взаимопомощи — pivŏs. Члены такого товарищества сносили свое молоко в течение определенного срока в дом одной из участниц, после чего очередь переходила к другой и так, в течение определенного срока, обходила всех участниц. Непосредственная цель объединения — взаимопомощь участниц, обладающих каждая в отдельности небольшим количеством скота, недостаточным для заготовки необходимого количества молочных продуктов для семьи. Женщина самостоятельна в делах, касающихся ведения молочного хозяйства, и мужчина, в силу обычая, не может препятствовать участию ее в таком товариществе и вмешиваться в традиционный порядок сноса молока.[4] Эти товарищества, отмеченные исследователями не только у ягнобцев, но и у других народов горного Таджикистана и Памира, сохранялись в Ягнобе вплоть до самого последнего времени. Обычай „хошара", коллективной помощи односельчан при сезонных сельскохозяйственных работах, повсеместно распространенный до революции в земледельческих районах Средней Азии, характерен и для Ягноба. Интересно отметить, что хошарные работы, если только они не устраивались местными представителями власти, требовали неизбежного в таком случае угощения всех участников со стороны домо-

---

[1] С. Д. Масловский. Гальча. Русск. антроп. журн., 1901, № 2.

[2] См., напр., работу Н. А. Кислякова „Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-болö" (гл. III. „Сельская община"), Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1936.

[3] Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков. Сб. „По Таджикистану", под ред. проф. Андреева, Ташкент, 1927, вып. 1

[4] Подробные сведения см. в названной статье Е. М. Пещеревой.

хозяина, в помощь которому односельчане устраивали общественные работы. Общественные работы на оросительной сети у горных таджиков Вахио сопровождались также обязательным по обычаю угощением участников со стороны каждого домохозяйства в селении.[1] О тех же остатках коллективного производства свидетельствуют нам общественные водяные мельницы, имевшиеся на ряду с частными. Такие мельницы являлись собственностью либо селения, либо группы селений, расположенных поблизости друг от друга. Они строились сообща, всем селением, причем каждая семья участвовала в общих работах собственным трудом и строительными материалами. Ремонт производился совместно односельчанами; пользоваться этой мельницей мог каждый из жителей селения или группы их, которой принадлежала эта мельница.

М. С. Андреев сообщает об остатках почитания у ягнобцев небесного патрона земледелия „Bṓbṓ-i-Dehqṓn'a". „И до сих пор еще в некоторых селениях здесь имеется по одному человеку, представляющему для данного селения его «деда-земледельца» и называемого этим именем (Bṓbṓ-i-Dehqṓn). Этот «дед-земледелец» освящает начало земледельческих работ, назначая дни для начала жатвы, пахоты и пр. Начать ранее никто не имеет права. Ритуальный обычай первой освященной запашки, свойственный циклу многих земледельческих народов, начиная от Аттики до Китая и Борнео, соблюдается и здесь. Подобно китайскому императору, временному королю Сиама или, согласно Плутарху, подобно представителю особой жреческой фамилии в древней Греции, «дед-земледелец» сам пропахивает первые борозды на приведенных быках, освящая начало пахоты, и только на другой день после этого может уже пахать все селение."[2] Этот обычай, по всей вероятности, очень древнего происхождения. Звание «деда-земледельца» было наследственным. Оно указывает на существование в прошлом особых лиц, на обязанности которых лежала организация коллективных работ. Очевидно, это были главы отдельных родов.

В связи с вопросом о коллективных сельскохозяйственных работах интересно отметить один обряд, связанный с жатвой, который пришлось наблюдать М. С. Андрееву в Ягнобе и в других горных районах." Как известно, среди старых земледельческих обрядов Европы давно уже обратило на себя внимание верование в духа или демона жатвы, урожая, известного под разными именами. Следы подобного представления, видимо когда-то широко распространенного и среди иранских народов Средней Азии, были в свое время найдены М. С. Андреевым среди ваханцев и рушанцев. В дополнение к этому, очень любопытную форму одухотворения снимаемого урожая экспедиции удалось встретить теперь и в Ягнобе.

Когда жатва подходит к концу, жнецы стараются последний оставшийся на поле клочок сжать, как можно скорее: «зṓja amip; дарáў, дарáў, бонmbiдон носче», т. е. «земля (посев, поле) умерла: кончайте скорее — болит поясница». Считается, что если не торопиться и затягивать мучения, агонию умирающего поля, то от этого у жнецов заболевает поясница..." „Как только исчезли последние колосья, все жнецы становятся в круг, держа друг друга за шею, и затем раздается разносящийся на далекое расстояние громкий, протяжный крик «allṓ»".[3]

---

[1] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиоболö, гл. III.

[2] Экспедиция в Ягноб в 1927 г. под руков. М. С. Андреева. Бюлл. САГУ, 1928 вып. 17, стр. 167—168.

[3] Там же, стр. 166—167.

Мы не входим в разбор объяснения этого обычая М. С. Андреевым. Во всяком случае, для нас ясно то положение, что хошарные работы в земледелии когда-то сопровождались определенным церемониалом, связанным с определенными идеологическими представлениями, которые позднее вошли в систему религиозного мировоззрения.

Укажем еще на некоторые традиции и обычаи ягнобцев, связанные с гостеприимством и пережитками коллективного потребления.

Эти традиции и обычаи ягнобцев охватывают не только сравнительно небольшую по численности группу кровных родственников, связанных общностью своего происхождения от одного предка-патриарха, но более широкий круг лиц, включающих в себя в первую очередь односельчан, а в конечном счете, в силу „закона гостеприимства",[1] и все население Ягноба. Они проявляются в обязанностях по отношению к родственникам и односельчанам и по отношению к гостю и путнику. Приведем конкретные факты. В Ягнобе имел место в прошлом обычай помощи продуктами питания со стороны всех односельчан какой-либо семье из своего селения, обедневшей, нуждающейся, находящейся в данный момент в безвыходном положении. Каждое хозяйство оказывало обедневшему помощь из своих запасов пищи, что, в свою очередь, накладывало обязательство на семью, которой помогали, в необходимый момент оказать поддержку кому-либо из других нуждающихся односельчан. Происхождение этого обычая, несомненно, надо искать в социальных отношениях родового общества. Энгельс указывает на происхождение обычая помощи у ирландских крестьян. „За несколько дней, проведенных в Ирландии, я снова живо осознал, как глубоко еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Помещик, у которого крестьянин арендует землю, для последнего все еще нечто вроде вождя клана, на котором лежит заведывание землей в интересах всех; крестьянин уплачивает ему дань в форме арендной платы, в случае нужды должен получить от него помощь. Там считают также, что всякий состоятельный человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, если они оказываются в нужде".[2] Сравнение упомянутого нами обычая с тем, что говорит Энгельс об обязанности состоятельного соседа по отношению к нуждающемуся, достаточно ясно говорит само за себя.

Широко распространен и в наши дни обычай угощения родственников и односельчан по случаю какого-либо выдающегося события в жизни семьи (свадьба, рождение ребенка, похороны). Женитьба, напр., обязывает то домохозяйство, членом которого является жених, устроить большой туй (угощение) для своей родни и родни невесты. На большом туе, кроме родни, присутствуют и односельчане. В случае же, если это почему-либо невозможно, тогда для них устраивается специальное угощение. На свадебное пиршество необходимо пригласить возможно большее количество родственников. В прошлом на свадебное пиршество у состоятельных дехкан приглашались все родственники, вплоть до самых отдаленных степеней родства или свойства. Пиршество длится несколько дней, — обычно три дня. Гости со стороны невесты являются гостями не только домохозяйства жениха, но и всего селения. Всех их усаживают на одну сторону помещения, на почетные места. Характерным является то обстоятельство, что если на пиршество приглашается случайный путник или гость, не состоящий в родстве ни с невестой ни с женихом, даже не житель Ягноба, но авторитетный и уважаемый в данном селении, его усаживают вместе

---

[1] Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 42.

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XVI, стр. 111—112 (подстрочное примечание).

с почетными гостями, т. е. с родней невесты. По другую сторону рассаживается родня жениха. Близкие родственники жениха и односельчане теснятся где-либо на втором плане. На туе Мирзо-Вакиля (вакиля[1] сел. Номиткон; туй происходил в михмонхоне) близкие его и односельчане поместились у входной двери и очага. Другим характерным для ягнобцев обычаем является устройство односельчанами коллективного угощения, обеда для родственников жениха и невесты, прибывших на свадебный туй из других селений.

Ни одна свадьба, вне зависимости от состоятельности хозяйства, не обходится без такого пиршества и, обычно, без коллективного угощения и какой-либо помощи односельчан.[2] В свадебном туе мы находим следы далекого прошлого, сохранившиеся наряду с остатками домашней общины. Строгий этикет, соблюдаемый при рассаживании родственников, повидимому, является не чем иным, как выродившимися и потерявшими свое прежнее реальное значение отношениями между родами. В данном случае гостем на свадебном туе является род невесты, потому-то этикет требует особого внимания к ее родне, а случайно присутствующего чужеродца усаживают вместе с родственниками невесты. Строгий учет родственных отношений присутствующих гостей к жениху и невесте лежит в существе рода, как экзогамной группы. Как нам сообщает Морган, даже в совете племени, решавшем различные дела, касавшиеся всего племени, строго выдерживался известный порядок распределения мест между представленными в совете отдельными родами, входящими в племя. Тем более в свадебном церемониале и обрядностях соблюдение этого порядка требовало особого внимания. Этот порядок, свойственный американским племенам, был присущ всем народам во всех частях Старого и Нового Света, ибо он с естественной необходимостью вытекал из экзогамности родовой группы. Следы его мы находим и у ягнобцев.

Обычай свадебного угощения, бытующий еще и в настоящее время, распространен также у таджиков во всех смежных с Ягнобом районах. Необходимо, однако, указать, что в прошлом этот обычай широко использовался эксплоататорской верхушкой кишлака и превратился в одну из форм натуральных повинностей населения, так как взаимопомощь односельчан или родственников в устройстве свадебного угощения распространялась и на семьи местной „знати“. Кроме того, устройство свадебного туя было связано с большими расходами, тяжело отражавшимися на благосостоянии того дома, откуда происходил жених. Поэтому нужно помнить о том, что эти пережитки прошлого, при отсутствии должной бдительности, могут быть использованы враждебными социалистическому строительству элементами во вред трудящимся.

С пережитками первобытного коммунизма, в особенности с гостеприимством, связаны функции общинного дома у ягнобцев, общественной mēhmōnxōná (дом для гостей). Такие дома в настоящее время, насколько нам известно, уже не строятся заново. В отдаленном прошлом, по рассказам населения, такие общинные дома имело каждое селение. Их было несколько в селении, по числу его кварталов. Они строились и ремонтировались сообща, всем селением, и каждое домохозяйство участвовало в строительстве общинного дома личным трудом и строительными материалами. Впоследствии роль общественных домов для гостей перешла к частным михмонхонам, и их уже не строили заново. Кроме того, в некоторых селениях ту же роль выполняли мечети (рис. 5).

---

[1] Вакиль — сельский уполномоченный.

[2] О свадебных и других совместных трапезах ягнобцев и таджиков Зерафшана см. также в нашей статье „Некоторые материалы по этнографии ягнобцев“ (журн. „Сов. этногр.“, 1936, № 6).

Функции ягнобской mēhmōnxōná и alou̯xōná горных таджиков, о которой известно уже по материалам М. С. Андреева, А. А. Семенова, а также Н. А. Кислякова,[1] обнаруживают много общего. Они сводятся к следующему. Это — во-первых, место, где собираются односельчане-мужчины для решения совместных дел (ремонт и работы на ирригационной сети, пользование общественными пастбищами, ремонт дорог, дела, касающиеся сельсовета и т. д.), где даются также советы односельчанину по делам семьи и хозяйства, где, наконец, просто проводят время за совместной беседой, слушают выступления местных музыкантов, певцов и сказочников; во-вторых, место, где собираются мужчины селения или квартала вечером

Рис. 5. „Дом для гостей" в сел. Хшартоб.

осенью и зимою для традиционной совместной трапезы (это — особенно характерная черта ягнобской михмонхоны); в-третьих, место, где оказывают гостеприимство путнику, лицу, постороннему для данного селения, остановившемуся по каким-либо делам в селении на некоторое время или же одну ночь (эта черта также весьма характерна для ягнобских селений).

Изложим здесь те впечатления и наблюдения, которые были записаны нами за время пребывания в общественной михмонхоне в 1934 г.[2] Как только заканчиваются полевые работы, т. е. уборка хлеба с поля и обмолот его на хирмане, и хлеб уже начинают молоть на мельницах, открываются ежедневные собрания мужчин в михмонхоне. Собираются на закате солнца, с наступлением темноты. Несколько мужчин приносят из своих домов топливо sainak (высушенный навоз с соломой) и xizum (кустарник), разжигают сообща огонь в очаге, в костер ставится несколько čojçuş[3]

[1] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло.

[2] Здесь мы воспроизводим почти без изменения то, что нами уже сказано о ягнобской михмонхоне в нашей статье „Некоторые материалы по этнографии ягнобцев" (журн. „Сов. этногр.", 1936, № 6).

[3] Čojçuş — металлический сосуд для кипячения воды из меди либо чугуна.

с водой для чая. Приносится вода про запас на вечер. Особой очереди по отоплению, как это наблюдается у горных таджиков Вахио-болӧ, не существует.[1] Некоторые из посещающих ежедневно михмонхону приносят топливо ежедневно; другие же приносят его время-от-времени — через 2—3 дня; есть, наконец, лица, совершенно не приносящие топлива. Каждый делает это сообразно со своими запасами топлива. В дни же, когда в михмонхоне на ночлег собирается много народа, приезжих и посторонних из других селений, топливо приносят все приходящие односельчане, чтобы разжечь на долгое время большой костер. Уклоняющимся, в таких случаях, прямо говорят, чтобы сходили домой за топливом. В обычные же дни топливо приносят в количестве, достаточном для того, чтобы несколько раз во время беседы наполнить раскаленным углем sandali.[2] До наступления темноты собравшиеся заняты разжиганием qasaḃá,[3] ведут беседу, некоторые выходят, чтобы распорядиться по дому, и снова присаживаются к очагу. Если присутствует гость, то его „занимает" кто-либо из старейших и наиболее уважаемых односельчан. С наступлением темноты наполняют углем sandali, а в qasaḃá снова разводят большой огонь, приносят čirōγ (светильник) или лампу. Собравшиеся выходят или посылают по домам сыновей за пищей. Каждый из приходящих приносит что-либо из пищи, приготовленной в этот день дома для семьи: пшеничные или ячменные лепешки, завернутые в досторханы (подобие скатерти), свежее или кислое молоко в деревянных блюдах, разваренный горох, распущенный в воде сыр (kurut), мясо. При посещении михмонхоны каким-либо приезжим лицом, особо уважаемым всем селением, приносятся еще сушеные фрукты, сладости, орехи и плов (oş). Как только вернутся все ушедшие и посланные за пищей, все принесенные досторханы разворачиваются, и из них составляется один общий, большой досторхан, на который ставятся все принесенные блюда и раскладываются лепешки, и все присутствующие приступают к общей трапезе. Приготовлениями всегда заняты несколько старейших по возрасту мужчин. Они же обязательно разрезают мясо и разламывают несколько лепешек на куски. Если присутствует гость, к нему первому обращаются, и он должен первый открыть трапезу. Лучшее из принесенного ставится перед ним. Трапезу открывают, обычно, возгласами: „Xured musulmonho xured" („кушайте, мусульмане, кушайте"). Омовение рук перед едой, так же как и после нее, обязательно. После трапезы и омовения начинается беседа, которая сопровождается чаепитием. Беседа заканчивается поздней ночью. Присутствовавшие понемногу расходятся по домам; однако не все: уходят старики, часть же мужчин, а иногда и молодежь в возрасте 17—20 лет остаются ночевать здесь же, пользуясь одеялами, которых всегда имеется в михмонхоне 5—6 штук. Эти одеяла, так же как и čojγuş (чайники), пиалы, лампа, принадлежат отдельным односельчанам. Каждая вещь в михмонхоне имеет своего хозяина. Часто и досторхан с остатками пищи остается до следующего дня. Все эти вещи оставляются в михмонхоне хозяевами часто на продолжительное время, без всякого опасения за то, что они могут быть взяты кем-либо посторонним или, попросту, их могут украсть. Любой из посторонних или односельчан может ими пользоваться совершенно свободно, как своими вещами.

---

[1] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-болӧ.

[2] „Sandali" — род табурета на низких ножках. Этот табурет ставится над ямой в полу, наполненной углем, и сверху покрывается одеялом. Присутствующие рассаживаются вокруг „sandali", просовывая под одеяло ноги и согреваясь таким образом.

[3] „Qasabá" — очаг, помещающийся в одной из стен комнаты, напоминает камин. Подробное описание см. в главе „Жилище".

Вечерние собрания мужчин в михмонхоне глухой осенью и зимой происходят ежедневно. Первые собрания открываются еще в конце лета. Однако в это время количество присутствующих на таких собраниях мужчин не одинаково на каждый день. Летом собирается не более 4—6 человек. Беседа длится недолго, только во время еды, и все расходятся по домам рано, не оставаясь на ночлег в михмонхоне, так как надо встать еще до восхода солнца и итти в поле, на хирман, а то заночевать на хирмане. Вечерняя беседа летом бывает лишь тогда, когда присутствует и ночует в михмонхоне приезжий путник. По мере окончания отдельными домохозяйствами полевых работ, все большее количество односельчан проводит ежедневно вечера в михмонхоне, и дольше длится беседа. С увеличением свободного времени, т. е. с началом зимы, собирается уже почти все мужское население кишлака, за исключением лишь глубоких стариков

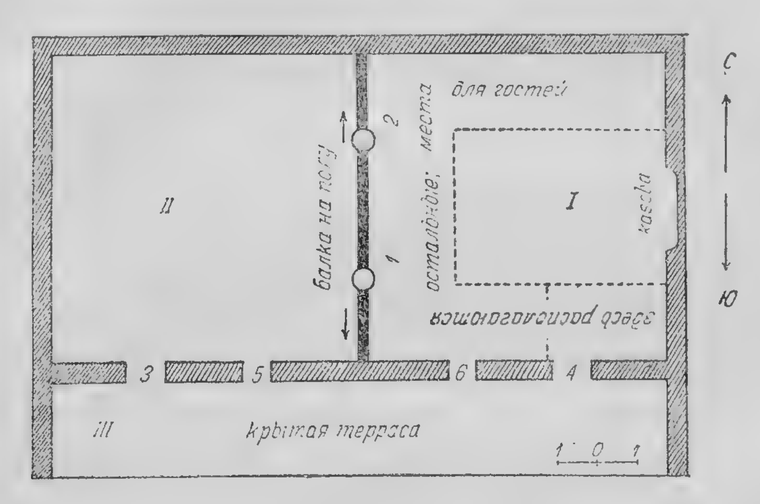


Рис. 6. План „дома для гостей" в сел. Бидиф. *1, 2* — столбы; *3, 4* — двери; *5, 6* — окна; *I* — помещение, где проводят время вечером; *II* — помещение пустует во время вечерних бесед, но в нем спят, как и в помещении *I*.

и детей, еще не работников в семье; подростки, в одинаковой мере со своими отцами и братьями участвующие в полевых работах в хозяйстве, уже в силу этого обстоятельства отделившиеся от остальной детворы и получившие некоторый голос в решении общих дел, присутствуют на вечерних собраниях. К зиме увеличивается и количество приносимых досторханов; количество их, за редкими исключениями, соответствует количеству „представленных" на вечерней беседе семей и обратно: оно никогда не совпадает с количеством присутствующих односельчан в силу известного нам положения о том, что женатые братья, имеющие собственную семью, живут в домохозяйстве своего отца, деда, либо дяди по отцу и т. д., либо продолжают хозяйствовать сообща, не разделяя общего домохозяйства своих предков.

Угощение путника, хотя бы и неизвестного в данной местности, остановившегося в селении на отдых, и предоставление ему ночлега распространено по всему Ягнобу. Конечно, было бы неверно сказать, что гостеприимство в настоящее время является совершенно обязательным законом для каждого ягнобца. И этот обычай, так же как и все описываемые традиции народа, в настоящее время уже отживает. Но, во всяком случае, достаточно проезжему сказать кому-либо из дехкан, что он устал

и голоден, — и ему немедленно указывают место для отдыха и несколько человек из разных семейств приносят пищу. Интересна еще одна деталь. Если в михмонхоне присутствует гость, общественное мнение осуждает тех, кто, приходя на вечернюю беседу, не приносит с собою пищи. Принести что-либо во время общей трапезы специально для постороннего за плату — невозможно. Требовать плату за вечернюю пищу — оскорбительно для гостя, хотя бы он и пребывал в михмонхоне долгое время. Это невозможно в силу того представления, что хлеб и пища, поставленные в михмонхоне на общий досторхан, не принадлежат ее хозяину. Это представление свидетельствует о том, что некогда пища была общим достоянием всех живущих в селении, поскольку производство самой пищи было коллективным. На вопрос о том, почему вечером нельзя ничего принести в михмонхону постороннему человеку за деньги, мне ответили, что все, что стоит на общем досторхане, не принадлежит никому из отдельных лиц. Хлеб, который берет путник и гость с общего досторхана, — „хлеб народа" („nūni xalq"), этот хлеб принесен не одним человеком, а 5—10 лицами, — поэтому ни один кусок из всего того, что принесено в михмонхону, не может быть продан.

Все эти традиции, связанные с приемом путника в общественной михмонхоне, в достаточной мере подтверждают наш вывод о том, что гостеприимство всем селением, дожившее еще до наших дней, некогда было законом всеобщим и обязательным в Ягнобе. „Гостеприимство, — говорит Морган, — было среди ирокезов прочно укоренившимся порядком. Если кто-нибудь входил в дом индейца в любой индейской деревне, будь то односельчанин, соплеменник или чужой, женщины дома обязаны были предложить ему пищу. Пренебрежение этим было бы невежливостью, более того — обидой. Если гость был голоден, он ел, если он был сыт, вежливость требовала, чтобы он попробовал еду и поблагодарил хозяев..." „Эта характерная черта варварского общества, в котором пища являлась главным жизненным интересом, представляет собою замечательный факт".[1]

Гостеприимство, совместные трапезы в михмонхоне, взаимопомощь продуктами питания и другие обычаи подтверждают вместе с тем вывод о том, что некогда общим домохозяйством жило все селение. В общем доме жил хозяйствующий коллектив, в состав которого включались лица, объединенные кровным родством, и женщины, взятые из чужих родов в качестве жен, как мы это видим на примере больших патриархальных домохозяйств.

Мы опускаем такие явления, как выборная сельская администрация, деление народа и территории на некие административные единицы, управление в которых носило общинный характер, и другие явления общественной жизни. Иначе мы отклонились бы от нашей непосредственной задачи.

С развитием классового общества, с появлением и развитием частной собственности утрачивались старые родовые связи. Следовательно, на стадии разложения патриархальной общины, на которой мы застаем перед Октябрьской Социалистической революцией ягнобское общество, мы не находим уже родовой организации в развитом состоянии, мы должны искать следы ее в обычаях и традициях народа. Только так могут быть объяснены упомянутые нами обычаи и традиции, связанные с остатками коллективного потребления. Остатки коллективного производства и общественной родовой собственности мы должны искать в общинной земельной собственности, в общественных участках для сбора топлива, наконец в общинном пользовании ирригационной сетью.

---

[1] Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 31.

Большие домохозяйства ягнобцев в современной действительности, когда уже в основном построено социалистическое общество в нашей стране, — без сомнения архаичное явление. Поскольку в Таджикистане после Октябрьской Социалистической революции осуществлена национализация земли и воды, уничтожено частное землевладение и земля закреплена в вечное пользование за колхозами, постольку ликвидированы последние остатки общинного землепользования, служившие оболочкой для эксплоатации трудящихся. Патриархальная семья в ее позднейшей форме предполагает неограниченную власть патриарха над своими домочадцами, равно как и подчинение женщины мужчине, ее бесправное положение в обществе и семье. В Ягнобе, как мы знаем, женщина принимала сама деятельное участие в хозяйственных работах и пользовалась известной свободой и самостоятельностью в семейной жизни. Однако это нисколько не исключает того положения, что до Октябрьской Социалистической революции ягнобская женщина оставалась бесправной. Она не принимала участия в решении общественных дел своих односельчан. Брак, как правило, совершался без согласия брачущихся, в частности женщины; муж был волен распоряжаться судьбой своей жены по своему усмотрению и в праве был применять по отношению к ней всевозможные жестокие наказания. Только революция предоставила женщине равные права с мужчиной; а после организации колхозов в Ягнобе женщина стала еще более активной силой в хозяйстве. В настоящее время местными советскими, партийными и общественными организациями проводится в ягнобских селениях большая политико-просветительная и культурная работа, создана сеть начальных школ, работают курсы ликбеза для взрослых, куда вовлечены и женщины, и проводятся другие мероприятия по культурному строительству. В настоящее время мы являемся свидетелями процесса ликвидации последних пережитков патриархальных отношений у ягнобцев, оказавшихся здесь, в силу ряда условий, более устойчивыми по сравнению с другими районами Таджикистана. Современные большие домохозяйства, неразделившиеся семьи родственников, уже нельзя рассматривать как патриархальные общины в собственном смысле слова, так как в настоящее время, в эпоху великой Сталинской конституции, каждый член семьи занимает равноправное с остальными положение в обществе и в семье.

СЕЛЕНИЕ

Селения ягнобцев (maịn — по произношению жителей среднего Ягноба, mēn — по произношению жителей верхнего Ягноба), расположены на крутых склонах долины. Выше и ниже селения лежат пашни; они спускаются к реке, где берег заканчивается почти отвесным обрывом, и поднимаются

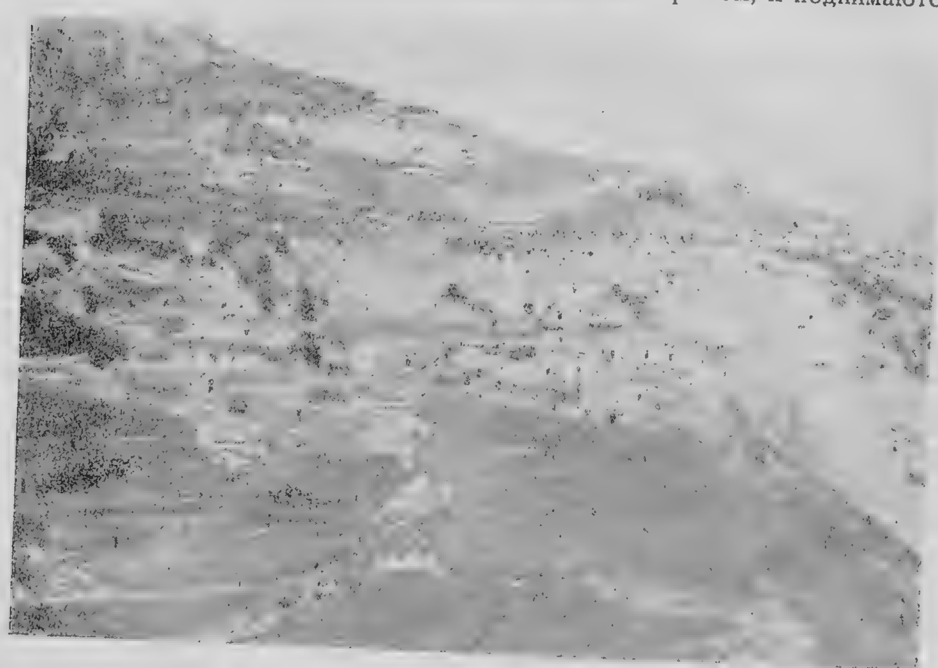


Рис. 7. Западная сторона сел. Дехи-балянд; верхний Ягноб.

вверх, высоко в горы. Недостаток пахотной земли в условиях высокогорной местности заставляет выбирать под поселения совершенно непригодные для земледелия места и рационально их использовать; эти условия сыграли значительную роль в развитии техники домостроения и в развитии определенного типа высокогорного селения и жилища ягнобцев. Прежде всего бросается в глаза скученность построек, отсутствие улиц, расположение жилищ как бы уступами или этажами по склону друг над другом, чем они напоминают типичные горные аулы Кавказа. Для сообщения между различными частями селения имеются проходы между постройками; кроме того, можно попасть в любой дом, пользуясь крышами домов (рис. 7).

Характерная особенность ягнобских селений — отсутствие дворов (за редким исключением) и ограждений жилища, что свойственно селениям таджиков на равнине и в предгорьях. В Ягнобе отсутствуют сады и приусадебные огороды, так как большинство из распространенных в Средней Азии огородных культур там не вызревает, и население покупает или выменивает фрукты и овощи в соседних районах. Тип жилищ в равнинных поселениях таджиков и узбеков иной. В предгорных районах и на равнине жилище узбеков и таджиков, вместе с хозяйственными пристройками при нем, с внутренними дворами, огородом и садом при доме, ограждено глухими стенами и заборами и изолировано от прочих построек селения. Сохраняя эти общие характерные черты, равнинное жилище в своей архитектуре и устройстве имело отличия, связанные с социальным и общественным положением владельца. В горных же районах такой тип жилища, который можно назвать домом-усадьбой, был характерен только для социальной верхушки дореволюционного кишлака: чиновничества, духовенства, кулацких и зажиточных слоев дехканства. Условия высокогорной местности — момент не исключительный и не определяющий характера ягнобского селения; здесь запечатлелись не только неизбежное приспособление строителей к местным топографическим условиям, но, как вскоре увидим, и причины другого порядка.

Другая, наиболее интересующая нас особенность — деление селения в Ягнобе на ряд кварталов. Почти все селения ягнобцев состоят из 5—6 и более групп домохозяйств, постройки которых расположены также группами между участками пашни, по двум сторонам сая (горного потока), на отдельных террасах и естественных площадках. Каждая такая группа-квартал имеет свое определенное наименование; совокупность кварталов составляет населенный пункт, селение с общим наименованием. Мы посетили почти все селения, расположенные между Хшартобом и Дехи-баляндом по долине Ягноба и по его притоку — р. Куль. Все они делятся на кварталы. Понятие „квартал“ в среднем Ягнобе обозначается словом „mai̯n“. Это слово означает вообще совокупность домохозяйств, составляющих населенный пункт, независимо от того, является ли такой совокупностью селение, более крупный населенный пункт, или часть его — квартал, более мелкий населенный пункт. Кроме того, наравне с ягнобскими mai̯n и mēn, в верхнем и нижнем Ягнобе можно услышать у ягнобцев же таджикское слово „guzar“, также употребляемое ими для обозначения понятия „квартал“, причем в некоторых ягнобских селениях слово „guzar“ признают за ягнобское. В кварталах еще в недавнем прошлом жили преимущественно семьи, связанные между собой тем или иным родством: семьи братьев, потомки общего дальнего предка и т. п. Об этом нам рассказывали, в частности, жители селений Пскон, Дехи-балянд и Кули-миона. Жилища одного квартала, как правило, пристроены друг к другу; часть из них подведена под общую кровлю и представляет собою большую постройку для многих семей, к которой пристроены другие, меньшие помещения соседей.

Наименования селений, кварталов, отдельных местностей как в ягнобоязычной, так и в таджикоязычной частях долины, указывают на их согдийское происхождение. Так, напр., ягнобское marγ (луг), согдийское mrγh встречаются в названиях селений, летовок и отдельных местностей: marγtəmáin (селение лугов), katta marγák (большой луг), kudmarγ (летовка сел. Кирьонти), 'pásmarγ и др. Ягнобское слово „γar“ (гора), согдийское „γr“ встречены, как основа в названии ягнобского селения γarmḗn (горное селение). Ягнобское слово „γo̦i“ (пахотная земля), согдийское „z'yh“ (земля, страна), встречаются в наименованиях летовок. Наименования таджикских селений Ягноба также указывают на их

ягнобское и согдийское происхождение. Один из кварталов таджикского сел. Кирьонти называется ягнобским словом „ĕintərmēn“ (внутреннее селение); одна из летовок таджикского сел. Новобад называется словом „kimĕr rut“ (красная река), согдийским „krm'yr“, и ряд других.

Основываясь на этой топонимике Ягноба, можно все население Ягноба, как таджиков, так и ягнобцев, рассматривать как потомков древнего населения Согдианы.

Попытаемся теперь полнее охарактеризовать тип ягнобского поселения на нескольких примерах.

Селение Пскон (Piskōn) в верхнем Ягнобе делится на кварталы: Калла (Qal'a) с 3 домохозяйствами, Шимин (Šimin) с 8 домохозяйствами, Муллооку (Mulloku) с 4 домохозяйствами, Миона (Miona) с 15 домохозяйствами. Эти 4 квартала расположены поблизости друг от друга; кроме них, есть еще

Рис. 8. Схематический план сел. Ворсоут (глазомерная съемка с высоты).

пятый квартал Навмен (Náu̯mēn), расположенный несколько поодаль от селения. Этот пятый квартал представляет собою зимние жилища 10 домохозяйств, которые на лето переселяются в квартал Миона, где они имеют свои летние жилища и откуда ближе к местам, где пасется скот (рис. 10).

В отличие от остальных селений, Пскон не имеет летовки, и скот пасется вблизи кишлака. Если учесть, что работа по уходу за скотом в Ягнобе лежит преимущественно на женщине, а заготовка молочных продуктов на зиму является исключительно женским делом, то станет понятной целесообразность такого переселения семей из зимних жилищ в летние, тем более что и ведение домашнего хозяйства является также женским делом. Именно летом заготовляется основная масса молочных продуктов, скот всех семей пасется общим стадом под присмотром одного пастуха с помощниками. Ежедневный пригон скота от отдаленного места зимнего поселения для соединения с общим стадом представлял бы крайние неудобства и отнимал бы много времени и сил. Зимние же жилища эта группа домохозяйств построила вблизи своих пашен, расположенных поодаль от общего земельного массива. Подготовка пашни, уход за посевами, уборка урожая, перевозка и снос хлеба к местам его хранения

в условиях Ягноба чрезвычайно трудоемкие работы; поэтому, если позволяют условия, жилища должны находиться вблизи пашен. В тех случаях, когда по каким-либо причинам такой возможности нет, как напр., в сел. Номиткон, отдельные семьи устраивают xïrman'ы (тока́) не в селении, а на своих участках пашни, так как необходимость ухода за посевами в течение лета, и особенно осенью (уборка урожая), заставляет мужчин ночевать в поле. Кроме того, перевозка необмолоченного хлеба с отдаленного земельного участка в селение представляет большие неудобства. Поэтому тут же в поле устраиваются небольшая глинобитная площадка (ток) для обмолота зерна и постройка, сложенная из камня, — временное хранилище хлеба и сельскохозяйственного инвентаря и место ночлега мужчин.

Рис. 9. Часть сел. Пскон; верхний Ягноб.

Кварталы Пскона представляют собой группы пристроенных друг к другу жилищ и помещений для скота, часть которых подведена под одну крышу, расположенных друг над другом несколькими этажами-уступами. Квартал Калла состоит из домохозяйств родных братьев. Эти братья (Нозир Гадо, Бобо Гадо и Касир Гадо) при жизни отца жили в своем отцовском доме общим домохозяйством. После смерти отца, еще до революции, братья разделились. Раздел имущества и выделение семей этих братьев из патриархального домохозяйста в качестве самостоятельных хозяйственных единиц повлекли за собой необходимость расширения отцовского дома путем пристройки к нему новых жилищ и помещений для скота. Так возник общий большой дом родственных семей, живущих самостоятельными домохозяйствами. Этот принцип совместной постройки и пристройки жилых и хозяйственных помещений характерен не только для семей родственников. По такому же принципу выстроены жилища во всех остальных кварталах Пскона, в состав которых входят не только домохозяйства близких родственников, но и неродственные семьи и семьи, связанные между собой очень отдаленным родством. Обратим внимание, однако, на

весьма существенное обстоятельство, именно: при разделах семьи, выделившиеся из отцовского домохозяйства строят свои жилища обязательно в том квартале, где стоит дом отца — главы выделившегося семейства. Об этом нам говорили не только жители сел. Пскон, но и многих других селений. Жители сел. Кули-миона утверждают, что в прошлом в кварталах жили семьи, родственные друг другу (xiṣ, по-таджикски), и кварталы насчитывали меньше домов, чем сейчас. Ранее взрослые сыновья после женитьбы не уходили из отцовского дома, а оставались жить вместе с отцом, не требуя раздела земли и домашнего хозяйства. Но потом большие семьи стали разделяться; сыновья уходили со своими семьями из дома отца и строили себе жилища в тех же кварталах путем пристройки нового

Рис. 10. Кварталы сел. Пскон.

дома к старому. Если места было мало, то новое жилище строилось отдельно, где-либо в другом удобном месте. Когда семья становилась большой, дети достигали зрелости, сыновья брали себе жен, — опять происходил раздел, и появлялись новые жилища. Так возникли кварталы Кули-миона. В сел. Дехи-балянд нам указывали на кварталы, время возникновения которых никому неизвестно, и на новые. Следовательно, кварталы этих селений возникли в результате раздела больших семей. Жители этих селений прямо указывают, что когда-то родственные семьи из различных кварталов жили в общих домах, но впоследствии все они разделились „hamaṣ çūdo ṣudagī“ („все они оказались врозь“). Это в известной степени объясняет нам причины возникновения кварталов. Как мы видим на конкретных примерах кварталов Qal'a и Nāumēn, выбор места для постройки жилья — не дело случая либо прихоти. Условия высокогорной местности, как мы указывали, также в конечном счете не определяют характера расселения ягнобцев небольшими группами домохозяйств. Перед нами выступают причины экономического и социального порядка, именно: место постройки дома и проживания семьи должно быть выбрано с таким рас-

четом, чтобы наилучшим образом можно было обеспечить, во-первых, обработку пашни и сбор урожая, во-вторых, уход за скотом и заготовку молочных продуктов на зиму. Однако соображения чисто хозяйственной целесообразности еще недостаточны. Выбор места постройки дома зависит еще от родственных связей домохозяина с односельчанами. Если мы учтем еще общинный характер производства до революции, отмеченные нами выше остатки общинного владения средствами производства, то нам станет ясно, что в данном случае поселение семьи по признаку родства с односельчанами и хозяйственная целесообразность такого поселения совпадают.

Остановимся на описании селений Дехи-балянд (высокая деревня) в верхнем Ягнобе и Кули-миона (средний Куль) в верховьях р. Куль. Селение Дехи-балянд в настоящее время насчитывает 30 хозяйств и 25 домов. Это несоответствие подчеркивает существенные для нас моменты. Дело в том, что 5 хозяйств несколько лет тому назад выселились из Ягноба (явление, как нам уже известно, характерное для Ягноба в недавнем прошлом), но односельчане рассчитывают на возвращение этих семей и по традиции считают их в составе своего общества. В некоторых семьях уходили на заработки все трудоспособные мужчины, оставляя дома лишь женщин, детей и стариков. Это приводило к полному разорению хозяйства, и такие семьи вынуждены были выселяться совсем из Ягноба, так как ничтожные заработки ушедших не только не покрывали всех налогов, но и не обеспечивали существования семьи, несмотря на действовавший обычай взаимопомощи односельчан. Однако за ушедшими в течение известного времени сохранялась их земельная собственность, на случай обратного возвращения, и хозяйство ушедших числилось в списках населенных мест. Эта традиция, не имеющая под собой никакой реальной основы, продолжает сохраняться и в настоящее время, хотя причины единичных выселений семей теперь уже совершенно иного порядка (напр. переход к промышленному труду). Итак, сел. Дехи-балянд в настоящее время фактически насчитывает 25 хозяйств; однако дехкане продолжают считать в составе своего общества 30 хозяйств. Необходимо учитывать то обстоятельство, что при подсчете количества хозяйств в селении дехкане считают домохозяев и определяют, что селение насчитывает столько-то домов, т. е. хозяйств. В современной живой речи ягнобцев, несмотря на наличие самостоятельного слова „хозяйство", понятия „хозяйство" и „дом" чаще всего обозначаются одним словом „kat" (дом), в противоположность таджикам Зерафшана, у которых в настоящее время эти понятия строго разграничиваются: хозяйство обозначается словом „xoçagī", а дом словом „xōná". Обозначение понятия „хозяйство" словом „kat" (дом), на наш взгляд, объясняется теми же пережитками домашней общины, сохранившимися в большей степени в Ягнобе, нежели в смежных районах Зерафшанской долины. Kat (домохозяйство) насчитывает много семей, составлявших до революции патриархальную общину; такая община являлась хозяйственной и податной единицей, владевшей определенным количеством земли, скота и другого имущества. В настоящее же время употребление слова „kat" для обозначения понятия „хозяйство" есть такое же пережиточное явление, как и общий дом многих семей. Это обстоятельство чрезвычайно существенно: оно говорит о консерватизме ягнобского языка, отражающего в современных условиях, по сравнению с таджикским, более раннюю и архаичную ступень развития общества, при которой первичной хозяйственной единицей была патриархальная община в развитом состоянии.

Ягнобское „kat" происходит, несомненно, от согдийского „kt'k". Если мы принимаем „kat" как синоним „хозяйства" и, точнее, не как „постройка",

а как „дом“, вкладывая в это понятие социальный момент („дом“ в смысле совокупности всех живущих в нем сородичей), то, очевидно, мы можем с известным основанием предполагать в согдийском „kt'k“ — дом, как совокупность всех сородичей, объединенных в едином хозяйствующем коллективе.

Таким образом пережитки патриархальных родовых отношений у ягнобцев проливают нам свет на социальный строй согдийского общества.

После необходимого отступления, продолжаем описание сел. Дехибалянд. Оно расположено по двум сторонам небольшого сая, по дну которого протекает горный ручей. Селение делится на ряд кварталов, которые,

Рис. 11. Кварталы сел. Сокан; долина р. Оби-куль.

в отличие от кварталов Пскона, не разбросаны между пашнями, а разделены лишь между собой узкими проходами. Каждый из кварталов представляет собой либо одну постройку со многими жилыми и хозяйственными помещениями, часть которых принадлежит нескольким домохозяйствам, часть же заброшена и пустует, либо ряд построек и пристроек, расположенных по склону, уступами друг над другом. На восточной стороне сая расположены кварталы: Ṣáhistama (один дом), Xaram sara (группа построек), Qal'aji tak (группа построек одного хозяйства), Padaji past (один дом) и Lab-i-dar (группа построек). Квартал Qal'aji tak состоит всего лишь из одного дома, принадлежавшего до революции крупному кулацкому хозяйству Джума-бобо, басмаческого курбаши, расстрелянного во время борьбы с басмачеством в Ягнобе. Семья его бежала, дом почти полностью разрушен, — осталось лишь несколько помещений под жилье и для скота. Частная михмонхона, принадлежавшая Джума-бобо, теперь превращена в магазин Таджикторга. В доме поселена одна из бывших бедняцких семей Дехи-балянда, не имевшая, до вступления в колхоз, своего жилища.

Западная сторона селения делится на кварталы: Guzari bolo (группа построек, центральная часть деревни), Mḗni-sar (один дом), Au̯-guzar (группа построек) и Guzari tak (группа построек).

Каким же путем возникли эти кварталы? На основании указаний жителей многих селений и приведенных нами некоторых примеров, мы склонны к выводу, что в прошлом квартал являлся поселением родственников. Как нам известно, в настоящее время в состав квартала входят, наряду с семьями, не состоящими в родственных связях, также семьи родных братьев, либо потомки одного дальнего предка — прадеда, прапрадеда (katta bovo) и т. д. Старики в Дехи-балянд помнят со слов своих отцов, что в Дехи-балянд жил некий Оймахмат, что от него вели свое происхождение 40 человек мужчин и женщин (во втором, третьем, четвертом и т. д. поколениях) и что все потомки его жили в квартале Guzari bolo. Сейчас только 4 домохозяина этого квартала (Косим Алим, Зокир Якуб, Авоз Одина и Джума Одина) ведут свою родословную от Оймахмата. Старики также слышали от своих отцов, что когда-то, очень давно, в Дехи-балянд было только 5 домов, что эти 5 домов положили начало теперешнему большому селению из 30 домов и что очень давно было только 2 гузара (квартала) по двум сторонам сая, которые назывались Au̯mēn и Idmēn (та деревня и эта деревня, по-ягнобски). Трудно, конечно, в этом смутном воспоминании отделить сейчас истину от вымысла; тем не менее мы склоняемся к тому, что в известной мере оно отражает действительную историю возникновения селения и кварталов.

„Если не у всех, то почти у всех народов на заре их истории господствуют два факта, возникающие стихийно: разделение народа по признаку родства и общность земельной собственности. Так было и у германцев...“ „Такое же деление господствовало у них при занятии новой области к востоку от Рейна и к северу от Дуная. Каждое племя оседало на новом месте не по прихоти или случайно, а по родственной близости соплеменников, как об этом точно сообщает Цезарь. Более крупным группам, близким по родству, доставался определенный округ, в пределах которого опять-таки отдельные роды, включавшие определенное число семей, селились вместе, образуя отдельные села“.[1] Этот родовой принцип расселения, как показано у Энгельса в „Марке“, сохранился на последующих стадиях развития домашней и сельской общины. Возможно, что первоначально сел. Дехи-балянд делилось на два квартала. Сохранились ли наименования первых двух кварталов в числе 9 наименований современных кварталов, определить уже невозможно. Характер расселения ягнобцев группами домохозяйств по признаку родства подсказывает, что первые обитатели Дехи-балянда поселились здесь в составе двух родов, из них один занял восточный, а другой — западный склоны сая. Западная и восточная стороны селения имеют каждая по мечети. Селение имеет две летовки, из которых одна принадлежит восточной стороне, а другая — западной. Это еще больше утверждает нас в нашем предположении. То обстоятельство, что в настоящее время мы находим потомков общего предка в разных кварталах, как, напр., Гадо Одина и Нур Али из Guzari tak и Ризо Сайфулло и Ади Сайфулло из Guzari bolo, которые ведут свое происхождение от какого-то общего предка (имени которого выяснить не удалось), указывает на „дочернее“ происхождение современных кварталов. По всей вероятности, это — ответвления двух первоначальных родовых общин, возникшие естественным путем в результате выделения семейных общин, как хозяйственно-самостоятельных единиц, из родовой организации. Первоначально все селение состояло из некоторого количества построек, принадлежавших

---

[1] Фр. Энгельс. Марка. К истории древних германцев. Партиздат, 1938, стр. 113—114.

отдельным, выделившимся из родовой коммуны патриархальным общинам, составлявшим ответвления двух родов. Возможно, что пять первых домов Дехи-баляндэ, о которых рассказывают старики, как-раз и представляли собой эти выделившиеся патриархальные общины. В дальнейшем естественный рост населения и разделы патриархальных общин привели к увеличению площади, занятой под постройками. Каждая вновь возникавшая хозяйственная ячейка нуждалась в жилье и хозяйственной постройке. Экономически обособившиеся от общины семьи все же строили свои жилища в квартале сородичей. Однако, когда уже исчерпывались возможности естественной строительной площадки, необходимость заставляла выбирать новые места, где возникали новые кварталы из родственных домохозяйств.

Рис. 12. Многосемейное жилище-квартал в сел. Ворсоут

Другого объяснения этой характерной особенности ягнобских селений мы не видим.

С вопросом о кварталах связано также и дробление селения на ряд „дочерних" селений. Так, напр., сел. Чукат, расположенное вблизи сел. Номиткон, некогда, по рассказам жителей этих селений, являлось кварталом последнего. Многие дехкане Номиткона и Чуката связаны между собой тем или иным родством. Население этих двух кишлаков поддерживает между собой, как они говорят, „дружественные отношения", ходят друг к другу на вечерние трапезы, помогают в сельскохозяйственных работах. Жители Чуката обычно советуются с номитконовцами о различных общественных делах, касающихся сел. Чукат. Таким же обособившимся кварталом Номиткона является его выселок (bōlṓ) Nṓmitkōni bōlṓ, состоящий из 10 домохозяйств и расположенный в полукилометре от „большого селения". Кроме того, на противоположной, солнечной стороне долины (aftōbrū̄) расположены зимние жилища трех семей: Рамазани Йора, Оймахмата Йора и Абдурахмана Давида; из них первые две являются семьями родных братьев. Это — выселок Номиткона, он носит название gilink.

Здесь расположены пашни этих трех домохозяйств, здесь же выстроены их зимние жилища. Летом жители этого выселка переселяются в Номиткон и присоединяют свой скот к общему стаду, уходящему на летовье.

Укажем, что кишлаки горных таджиков, подобно селениям ягнобцев, делятся на кварталы. В кварталах живут семьи, предки которых некогда входили в состав определенных родов.[1] Эти сведения, сообщаемые Н. А. Кисляковым, согласуются и с нашими данными и предположениями. Деление кишлаков на кварталы — явление общераспространенное по всем горным районам северного, центрального и восточного Таджикистана. Распространенность этого явления также свидетельствует о родовом характере происхождения кварталов.

Рис. 13. Многосемейное жилище-квартал в сел. Кули-миона в верховьях р. Оби-куль.

Выше упоминалось, что некоторые кварталы представляют собой одно общее многосемейное жилище. Такие жилища-кварталы мы наблюдали на всем протяжении нашего маршрута в долине Ягноба и его притока Оби-куль. В долине р. Оби-куль расположены селения Куль, Кули-миона, Кули-дагона. Сейчас они известны под перечисленными нами названиями, однако имеют и чисто ягнобские названия: Ṣimḗn, núnmen (< nutmēn) и Rupēf. Селение Кули-миона состоит из 18 домохозяйств и делится на 4 квартала: Domoni guzar, Vanzoji sar guzar, Topguzar и Ṣaxtu. Topguzar состоит лишь из двух домов, в одном из них живет шесть семейств и в другом — одно. Vanzoji sar guzar представляет собою один большой дом из двух этажей, рассчитанный для проживания в нем большого количества семей (рис. 13). Первый этаж составляют хлевы, расположенные в ряд один за другим, под общей кровлей. Уступом над первым возвышается второй этаж, состоящий из жилищ отдельных домохозяйств, также

[1] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиоболӧ.

расположенных в ряд под общей кровлей. Наружные двери жилищ выходят на крышу первого этажа. Уступом над вторым этажом расположена отдельной пристройкой михмонхона — дом для приема гостей и место традиционных вечерних собраний мужчин. Специальная тропа идет от дверей хлевов на крышу первого этажа к дверям жилищ, поднимается к михмонхоне и выходит на другую тропу, соединяющую остальные кварталы селения. Укажем еще, что каждый квартал Кули-миона имеет у себя собственную михмонхону, с функциями которой, как общинного мужского дома, мы познакомились выше. Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания характера квартала и, в частности, архитектуры жилищ-кварталов.

По внешнему виду архитектура жилища-квартала очень напоминает собой пуэбло американских туземцев.[1] Пуэбло (общинные дома) индейцев соответствовали их образу жизни на коммунистических началах. Пуэбло — поселение оседлого земледельческого племени, огромный дом-деревня, различные части которого населяют отдельные роды, входящие в племенную организацию. Множество отдельных „комнат" этого дома распределено между семьями, каждая из которых входит в состав какого-либо рода

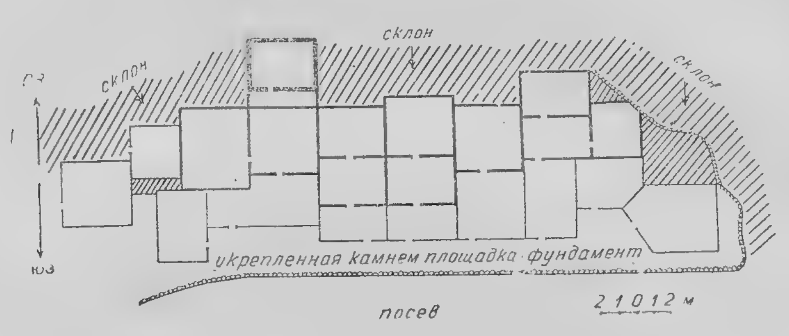


Рис. 14. План многосемейного жилища-квартала в сел. Кули-миона. Острая линия ——— первый этаж (хлевы); полужирная линия ——— второй этаж (жилые помещения); жирная линия ——— третий этаж (дом для гостей); линия из точек — стена каменной кладки для защиты от завала снега.

и ведет с сородичами общее домохозяйство на первобытно-коммунистических началах. Наше жилище-квартал не копирует пуэбло индейцев и далеко уступает ему по размерам. Однако для нас важны в данном случае общие принципы архитектуры. Совершенно понятно сходство жилищ-кварталов ягнобцев, сохранивших многие пережитки первобытно-коммунистических отношений в хозяйстве, общественной и домашней жизни, с пуэбло индейцев в эпоху варварства, т. е. в то время, когда „отдельная семья сделалась силой и притом грозной силой, противостоящей роду".[2] Архитектура пуэбло отразила выделение синдиасмической семьи из рода. Будучи еще экономически слабой, а потому зависимой от сородичей в добыче средств существования, она живет еще с ними общим домохозяйством, хотя уже владеет некоторым количеством домашнего имущества, как своей частной собственностью. Архитектура ягнобского жилища-квартала отразила экономическое обособление известного числа сородичей, связанных между собой более близким родством, нежели все члены рода. Мы не можем уже исследовать на конкретном материале процесс разложения

---

[1] Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.

[2] Фр. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XVI, стр. 138.

родового строя и образования патриархальной семьи у ягнобцев; однако мы можем установить, что в основе архитектуры жилищ-кварталов лежит тот же принцип, что и в архитектуре пуэбло индейцев, т. е. такой образ жизни, который в отдаленном прошлом был основан на коммунистических началах и ведении общинного хозяйства. Если пуэбло американских племен характерно для эпохи материнского рода, то жилище-квартал ягнобцев, очевидно, характерно для эпохи отцовского рода, с присущей ему формой семейных отношений — патриархальной семьей.

Итак, характер расселения ягнобцев небольшими поселениями, группами родственных домохозяйств (кварталами), выселками находит себе объяснение в сложившихся до революции общественных и семейных патриархальных отношениях. Как известно, основоположники марксизма рассматривали патриархальную семью, как семью переходного типа. Патриархальная семья, указывает Энгельс, „явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира. По крайней мере для культурных народов Старого Света, для арийцев и семитов, это представляется доказанным".[1] И ниже он говорит: „Во всяком случае, патриархальная большая семья с общинным землевладением совместной обработкой приобретает теперь совсем не то значение, что раньше. Мы уже не можем подвергать сомнению важную переходную роль, которую она играла у культурных и некоторых других народов Старого Света в период между матриархальной и индивидуальной семьей".[2] После этих слов нам становится ясным, что патриархальная община явилась лишь этапом в развитии отцовского рода. Большие домохозяйства ягнобцев представляют собой последние отстатки некогда существовавшего деления ягнобцев на родовые группы. Так как в кварталах еще в недавнем прошлом, по рассказам самого населения, были сосредоточены родственные домохозяйства, выделившиеся из патриархального отцовского дома, мы с полным основанием можем сделать предположение о том, что некогда отдельные роды селились совместно, образуя села. В дальнейшем распад родовой организации на ряд хозяйственно обособленных групп сородичей вызвал появление общих построек для многих семей и разделение села на ряд кварталов — обособленных групп жилищ.

---

[1] Там же, стр. 41.
[2] Там же, стр. 43.

ЖИЛИЩЕ

Настоящая глава нашего исследования содержит описание различных типов жилой постройки ягнобцев. Это описание должно в известной мере характеризовать домашнюю жизнь и бытовой уклад населения. Однако, как сказано выше, история развития ягнобской архитектуры, как таковой, не является предметом нашего исследования. Поэтому мы в нашем описании устройства ягнобского жилища не касаемся многих архитектурных деталей.

Согласно нашим наблюдениям для Ягноба характерны два типа жилищ: общая постройка для многих семей и жилище индивидуальной семьи. Мы говорим о двух типах в смысле назначения этих построек. Никаких архитектурных особенностей здесь мы не находим. Жилища больших домохозяйств и малых семей отличаются лишь количеством и размерами жилых помещений в доме; внутреннее устройство этих помещений как в большом, так и в малом доме совершенно одинаково.

К первому типу принадлежат рассмотренные нами жилища-кварталы, в частности в сел. Кули-миона. Сейчас мы ограничимся лишь еще одним примером. Большое домохозяйство Мирзо Шарифа в Номитконе, о котором говорилось выше, вместе с другими семьями, не состоящими с ним в родственных связях, а также с родственной ему семьей Шарифа Ашурова и с другими семьями более отдаленных степеней родства, живет в своеобразной постройке, так называемой „bőmi kalőn“ (большая крыша, по-таджикски). Bőmi kalőn представляет собою сооружение единой архитектурной формы, состоящее из многих жилых и хозяйственных помещений (комнат). Все помещения подведены под общую большую крышу (kus по-ягнобски) и разделены внутренними стенами каменной кладки и глинобитными. Помещения, занимаемые одним домохозяйством, сообщаются между собою; помещения, занимаемые отдельными домохозяйствами, в том числе и домохозяйствами разделившихся родственников, между собою не сообщаются и имеют отдельные входы снаружи. Судя по количеству дымовых отверстий в крышах, постройка эта была сооружена с целью проживания в ней свыше 10 семейств. В настоящее время здесь живут 8 семейств. Время сооружения этой постройки для проживающих в ней неизвестно. Ответ на такого рода расспросы гласил „mūisafedho na medonand“ („седобородые не знают“). Вряд ли можно предполагать наличие существенных изменений (кроме появления отдельных наружных дверей и закрытия проходов внутри у разделившихся семей) в архитектуре bőmi kalőn, произведенных последующими поколениями, что исключается и мнением современных ее обитателей. С двух боковых сторон к bőmi kalőn пристроены помещения для содержания крупного и мелкого скота и жилые помещения других хозяйств, пристроенные позднее. Эти пристройки под общую крышу не подведены. Bőmi kalőn

с пристройками по площади составляет более одной трети селения, а проживающие здесь семейства — не менее половины всего населения Номиткона. Другие постройки Номиткона, меньших размеров, повторяют тот же принцип пристройки или совместной постройки для нескольких семей. Все сел. Номиткон состоит из нескольких групп таких пристроенных друг к другу жилищ, расположенных на склоне как бы несколькими уступами или этажами. Интересно отметить, что крыша, bȫmi kalȫn, является одновременно как бы искусственной площадкой перед мечетью (которая ничем не отличается от обычного типа мечетей в горных селениях таджиков). Эта искусственная площадка служит иногда местом общих собраний; ранее на ней располагались со своими товарами проезжие торговцы. Осенью, когда полевые работы уже закончены, здесь собираются днем мужчины с детьми, освобождая женщин для домашних работ и пользуясь солнечными днями, так как снаружи на воздухе теплее, чем внутри в жилищах; топливо же надо сохранять и экономить для суровой зимы.

Жилище другой семьи — Рамазони Рахмона — в Номитконе дает представление, во-первых, о технике домостроения у ягнобцев и, во-вторых, о типе жилища индивидуальной семьи среднего достатка. Эта постройка рассчитана на проживание в ней двух семейств. Мы имеем, следовательно, не два отдельных, пристроенных друг к другу дома, а одну общую постройку для двух семейств, которая, как видно из плана, разделена внутренними стенами на ряд жилых и хозяйственных „комнат". Рамазони Рахмон живет с женой и ребенком и со своим старшим братом Пуддина. Старшим в доме, в изъятие из общего правила, считается младший брат Рамазони в силу того, что Пуддина до революции около 20 лет отходничал, оставался холостым и стал жить в Номитконе постоянно уже после Октябрьской Социалистической революции. Рамазони отходничал всего лишь несколько лет, являясь основным работником в семье отца. По этой причине после смерти отца к нему перешли права хозяина в доме. Половину постройки занимает семья Рамазони Рахмона, другую половину — семья его соседа. К жилому помещению с двух боковых сторон пристроены помещения для скота и амбар для ссыпки зерна, принадлежащий сельсовету. Все помещения подведены под одну крышу. Внутрь дома ведут два входа: один в помещение семьи Рамазони Рахмона, другой — в помещение его соседа. Перед домом находится ровная площадка. Ниже по склону расположены постройки других семейств. На площадке сложены запасы соломы для прокорма скота и кустарник для топлива. Солома защищена также кустарником от животных. Несмотря на хозяйственное использование этой площадки, ее все же нельзя считать двором, принадлежащим этому жилищу. Она служит и проходом в селении, и проезжей дорогой, ничем не огорожена, открыта для свободного доступа. Постройка имеет стены: фасада, боковые и внутренние; задней стеной является естественный склон, срытый отвесно, выравненный и отделанный внутри помещения глиной. Стены, как и во всех жилищах Номиткона, сложены из естественного камня булыжника и каменных плиток, из материала, который в изобилии всюду под рукой. Цементирующим материалом служит глина, приготовленная, как и повсюду в Средней Азии, с добавлением для большей прочности самана.[1] Присутствие последнего в цементирующей массе, однако, не всегда обязательно. Такая масса употребляется для более тщательной отделки жилища, при заделке крыши, для ее большей прочности. Выстроенные с употреблением такого цементирующего материала постройки дольше сохраняются и лучше противостоят разрушаю-

[1] Во время молотьбы пшеницы или ячменя на току ногами животных, часть соломы превращается в труху; эта соломенная труха (саман) используется для указанной цели.

щему действию дождей и снега в осеннее и зимнее время. При кладке стен крупный камень для большей прочности кладется вниз, более мелкий — в верхние ряды. Стены фасада чаще всего выкладываются из кирпича-сырца, цементируются и выравниваются глиной и вообще отделываются более тщательно. У рассматриваемой постройки фасад также сложен из кирпича-сырца. Крыши у всех построек плоские. Устраиваются они следующим способом. Когда стены уже выведены до необходимой высоты, поверх них, с одной на другую, кладутся балки, приготовленные из молодых деревьев, очищенных от коры и ветвей. Количество балок зависит от величины постройки. Концы их заделываются в стенах и торчат наружу. Поверх балок поперек кладутся ветви деревьев и кустарников. Поверх и опять-таки поперек ветвей кладется солома в довольно большом количестве. Солома засыпается землей с мелким галечником. Края крыши крепятся каменными плитками, и земля утрамбовывается ногами. Наконец, последняя операция — заделка крыши цементирующей массой из глины, — как уже упоминалось, не всегда обязательна.

Нам приходилось наблюдать строительные работы в Номитконе. В постройке жилища обыкновенно принимают участие все работоспособные члены семьи, причем женщины выполняют одинаковые работы с мужчинами и подростками. Лишь особо трудоемкие работы, а также деревянные поделки выполняются исключительно мужчинами.

Главной частью жилища (kat по-ягнобски, равнозначащее таджикскому xōná) является mūr — квадратное помещение в глубине дома, в котором спят и проводят время зимой и осенью в холодную погоду (летом почти вся жизнь семьи протекает в поле, на хирмане, на летовке или на крыше дома за различными работами). Прямое назначение mūr'a в летнее время — помещение, где готовят пищу. Пол земляной, он выше примерно на 0.5 м пола в других помещениях; следовательно, по высоте mūr ниже остальных комнат. Эта архитектурная особенность mūr'a — объясняется его назначением и климатическими условиями высокогорной местности. По существу mūr является зимним жилищем, а не только лишь кухней. Зимой вся жизнь семьи протекает в mūr'e; в зимние ночи здесь спят все члены семьи — мужчины, женщины и дети.[1] В этом помещении, где пол как бы поднят над уровнем пола всей постройки, т. е. естественным земляным грунтом, лучше сохраняется тепло в обычно суровую зиму. С этой же целью двери в жилищах и помещениях для скота как наружные, так и внутренние делаются небольших размеров, одностворчатые, с порогами и низкие, так что при входе необходимо нагибаться. Высота двери, ведущей в mūr, еще меньше; во многих домах проход в mūr настолько низок и мал, что приходится буквально ползком пробираться через него. Тем же стремлением лучше сохранить тепло зимой объясняется отсутствие окон, по крайней мере у половины всех жилищ Номиткона. Характерно, что нам не удалось установить наличие специального ягнобского термина для окна. Там, где окна есть, их называют или словом „rū́ča", т. е. тем же термином, каким обозначают отверстие в потолке для выхода дыма, если это просто небольшое отверстие в стене без рамы и ставень, или „dⁱvarča", т. е. „дверка" (дверь — по-ягнобски „dⁱvar"), если устроена рама и закрывающая отверстие одностворчатая ставенка. В земляном полу mūr'a устроен ínkir (очаг), обычного для ягнобских селений типа. Inkir изготовляется из глины и имеет форму усеченного конуса, у основания которого имеется небольшое полукруглое отверстие inkiríta или ínkir-dⁱvara (дверка очага). Inkir устанавливается в предварительно вырытой яме прямо против прохода в mūr, причем так, чтобы его отверстие

[1] Мужчины, как мы знаем, иногда остаются ночевать в общественной михмонхоне.

у основания (inkirita) было направлено в сторону прохода в mūr; после этого оставшееся в яме пространство вокруг стенок очага заполняется землей. Земля утрамбовывается, и пол выравнивается, а в проходе образуется земляной порог. Такой очаг, который можно назвать земляной печью, служит как для выпечки хлеба и приготовления остальной пищи, так и для отопления mūr'а зимой. Упомянутое inkirita предназначено для наблюдения за огнем.

Техника изготовления inkir'а знакома каждому жителю Ягноба; каждый из них может самостоятельно у себя в доме с помощью семьи изготовить такой очаг и установить его. Однако в селениях имеются специальные лица, которые приобрели известный технический навык в изготовлении очага, лучше различают сорта глины, пригодные для такой цели, лучше знакомы с техникой предварительной сушки inkir'а естественным путем — на солнце. В силу полученных в этом деле навыков эти лица (мужчины и женщины) занимаются специальным изготовлением очагов для своих односельчан.

Нагревается inkir раскаленными угольями от saịnaka (топливо из навоза) и кустарника, идущего на растопку. Верхнее отверстие inkir'а закрывается с помощью puşkunča — большого круга-покрышки, обшитого материей и разными тряпками. В жилище Рамазони Рахмона inkir расположен так, что входящий внутрь mūr'а не может не наступить на закрывающую его отверстие puşkunča. Кроме очага в mūr'е, обычно устраиваются зернохранилища. В доме Рамазони Рахмона, зернохранилище расположено в полу mūr'а, рядом с inkir'ом. Оно также, подобно очагу, изготовлено из глины в форме усеченного конуса. Зернохранилища, по нашим сведениям, носят различные наименования в разных частях долины и в зависимости от своего устройства; в данном случае, оно называется „čox“.

Стены mūr'а имеют небольшие квадратные и прямоугольные ниши, куда складывается вся употребляемая для приготовления и принятия пищи утварь; эти ниши расположены на высоте 0.25 или 0.5 м от пола. Специальных дымоходов mūr не имеет.

Для выхода дыма служат rúča (два отверстия в потолке). Эти отверстия неправильной формы. В большинстве домов они прикрываются сверху, на крыше, двумя или тремя небольшими пластинками сланца, прислоненными друг к другу. Эти rúča служат одновременно и для выхода дыма и для освещения. Никаких других световых отверстий mūr не имеет. Зимой или осенью, если в mūr'е не разведен огонь, особенно в ненастную погоду, одно rúča прикрывается на крыше плоским камнем, двери плотно закрываются; в таком случае прямое назначение другого rúča — освещение. Летом, обычно, главный источник света днем — открытая наружная дверь (dᵛvar). Величина mūr'а, как и всех других помещений в жилище, равно и число их, зависит от количества членов семьи и от степени благосостояния домохозяйства. В больших домохозяйствах, которые также были в прошлом наиболее обеспеченными домохозяйствами в селении, mūr естественно бóльших размеров, нежели в жилищах одиночных семей.

Чтобы попасть в mūr, нужно пройти первое помещение больших размеров, в которое ведет наружная дверь дома, называемое „kánna“. Kánna — существенная часть жилища, в настоящее время в отдельных домах используемая для самых различных надобностей. В прошлом же, по словам И. И. Зарубина,[1] являлась парадной мужской половиной дома'

---

[1] И. И. Зарубин. Отчет об этнологических работах в Ср. Азии летом 1926 г. Изв. АН СССР, 1927, № 5—6, стр. 352—553.

т. е. помещением, предназначенным, главным образом, для приема посторонних.

Káппа в доме Рамазони Рахмона служит для хозяйственных целей. Это — большое прямоугольное помещение. При нашем посещении оно было более чем наполовину, почти что до потолка, заполнено sainak'ом, так что оставался лишь узкий проход в mūr и боковой проход в помещение, где хранятся запасы продуктов, и далее в помещение hiǰra или hujra. Hiǰra повсеместно в Ягнобе, так же как и káппа, служит „чистым" помещением; прямое назначение его — прием гостей и прибывших по делу. Если гость заночует, ему приготавливают постель в этом „чистом" помещении. В данном случае hiǰra служит также жилищем брата Рамазони — Пуддина.[1] Если в hiǰra присутствуют посторонние для данной семьи лица, не родственники, то женщины не входят в нее и вообще не показываются на глаза постороннему, не выходят из mūr'а. Mūr, таким образом, еще служит как бы своеобразной женской половиной жилища, однако только в том случае, если в доме находятся посторонние. В káппа развешаны на деревянных крючках, на спускающихся с потолка сучьях и ветках различные предметы домашнего обихода: мешок из целой шкуры козленка, шерстяной мешок, большая стеклянная бутыль, вьючная веревка и т. п. Справа из káппа, как уже сказано, проход ведет через хозяйственное помещение в hiǰra. Hiǰra отделана более тщательно, нежели все остальные помещения дома. Внутреннее убранство ее ничем существенным не отличается от так называемых мужских половин и частных mēhmōnxōná зерафшанских таджиков; она выстроена силами самой семьи и с помощью специально приглашенного мастера-деревообделочника таджика, живущего постоянно в сел. Мархтумайн в Ягнобе, которым выполнены все деревянные поделки. Однако внутреннее устройство hiǰra в своих архитектурных особенностях весьма отличается от прочих помещений ягнобского жилища. Hiǰra имеет очаг, называемый „qasabá", который устроен в стене по образцу зерафшанских и по внешнему типу напоминает собой камин. Qasabá устраивается в одной из боковых стен, чаще всего направо от входа. В hiǰra Рамазони Рахмона он устроен налево от входа. Qasabá представляет собой нишу из трех стенок, без „потолка"; ниша начинается от пола. Вверх в стене идет дымоход, выходящий на крышу, где он оканчивается сложенной из кирпича-сырца четырехгранной трубой, у которой верх закрыт наглухо, а в боковых стенках устроены прямоугольные отверстия для выхода дыма. Труба также называется „qasabá". Собственно очагом служит возвышающаяся от пола на 0.5 м глинобитная площадка квадратной формы, примыкающая вплотную к трем стенкам ниши и представляющая собой как бы поднятый небольшой участок пола жилища. В центре площадки устроен вырез

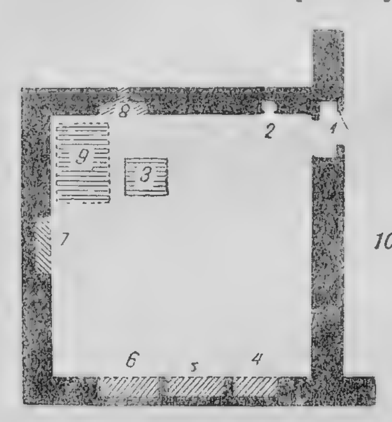


Рис. 15. Комната для гостей в доме Мирзо в сел. Номиткон. *1* — дверь в peşvōn; *2* — очаг; *3* — сандали; *4—7* ниши; *8* — окно в нише; *9* — место для гостей (шкура барана); *10* — peşvōn.

[1] Как нам сообщила Е. М. Пещерева, в прошлом hiǰra служила спальней для старших брачных пар, в то время как в káппа спали младшие пары. В семье Рамазони Рахмона эта традиция сохранилась: лучшее помещение служит жильем старшего брата, хотя и неженатого, а семья младшего брата Рамазони спит в другом помещении.

в форме незаконченного круга или таджикского oşton'a, где и разжигается на уровне пола огонь из sainaka и веток кустарника.

Итак, мы видим, что qasabá представляет собой второй тип очага в ягнобском жилище. Если inkir не что иное, как земляная печь, то qasabá уже более сложного устройства. Это — надземная печь, имеющая дымоход, несомненно более усовершенствованный тип очага. Однако в нем есть существенное отличие от тождественных по типу таджикских. В таджикских очагах огневой частью служит специально сделанный отдельно из глины и с помощью плетенки oşton — полуцилиндр с вырезом, обращенным в комнату; он ставится вертикально, пространство между ним и тремя стенками дымаря (упомянутой ниши) заполняется глиной до высоты oşton'a; глина выравнивается сверху в ровную площадку, а со стороны комнаты — вровень со стеной.

Во всех виденных в Номитконе qasabá oşton отсутствует, края же глинобитной площадки крепятся плитками сланца; по своей форме это огневое пространство сходно с oşton'ом. Уже при таком беглом сравнении таджикского очага с qasabá в ягнобских селениях, становится ясным, что qasabá в Ягнобе более примитивного типа (употребление естественного камня вместо специально изготовленного oşton'a). В данном случае мастер-таджик примитивизирует достигшую большего совершенства технику изготовления очага в Зерафшанской долине. Qasabá служит для отопления hijra, иногда (в виде исключения) для приготовления пищи, в частности плова (занятие исключительно мужчин, тогда как выпечка хлеба и приготовление всей остальной повседневной пищи производятся женщинами в ihkir'e).

Кроме очага, в hijra имеется sandali такого же типа, как в таджикских жилищах. В стенах устраиваются ниши, куда складываются различные домашние вещи; одна или две ниши обычно начинаются прямо от пола; в них складываются на день одеяла, чтобы освободить площадь пола для сидения. В одной из них можно увидеть небольшой сундук, обычно работы мастера-таджика, где вместе с разными вещами хранятся лакомства, предназначенные для гостей и купленные вне Ягноба: сушеные фрукты, тутовая мука, грецкие орехи, сахар. В отличие от остальных помещений, hijra имеет d'varča (окно) очень небольшое, прямоугольной формы, не более 30—40 см высотой, которое на ночь закрывается деревянной ставней. Никаких других отверстий для света hijra не имеет. Источник света днем — открытая d'varča. Вечером в hijra и в других помещениях в настоящее время пользуются керосиновыми лампами и иногда фонарем „летучая мышь“, в прошлом же пользовались глиняным светильником с бараньим салом и фитилем из ваты. Пол устилается кошмой, а в углу у sandali и у стены, противоположной проходу, кладется козлиная шкура шерстью кверху. Для этой цели обычно сшиваются две шкуры: одна с черным мехом, другая с белым, причем шкура с белым мехом разрезается на прямоугольные полосы; эти полосы пришиваются к шкуре с черным мехом, образуя белую кайму. Это место предназначено для гостей. В тех случаях, когда в hijra собирается много народа, около sandali расстилают еще одеяла; усадить гостя прямо на кошму считается неприличным, никто из ягнобцев никогда этого не сделает. Если гость все-таки садится где-нибудь в стороне от места, предназначенного для гостей, — это обида для хозяина дома. Он будет пытаться усадить гостя так, как этого требует этикет, и тем или иным путем добьется этого. Sandali — вторая особенность hijra, несвойственная другим помещениям в жилище.

Третьей особенностью является потолок, специально отделанный по образцу зерафшанских жилищ. Он отделан деревом, тогда как в других

помещениях концы ветвей свободно торчат сверху и видны балки, служащие опорой для крыши дома. В hijra балки — четырехгранные, количество их зависит от величины hijra, обычно их 5—6 штук. Поверх балок поперек положены тщательно очищенные от коры, обструганные короткие жерди небольшой толщины; вся площадь потолка ими забрана сплошь. Такие hijra имеются в очень немногих ягнобских домах; раньше они были характерны для домов более состоятельных семей.

Как мы видим, многие архитектурные детали в hijrá свидетельствуют о таджикском влиянии в архитектуре ягнобцев. Тем не менее прямое назначение этих помещений — гостеприимство, в широких размерах осуществляемое в Ягнобе, и в этом смысле, как выполняющие функции гостеприимства, они характерны для ягнобского общества в настоящее время.

В сел. Хисоки-дарв нами осмотрено жилище, в котором проживает одна семья. Архитектура его ничем существенным не отличается от общего типа жилищ, распространенного в Ягнобе. Однако во внутреннем его устройстве мы находим существенные подробности, дополняющие наше описание жилища индивидуальной семьи. Оно выстроено отдельно от прочих строений, хотя сел. Хисоки-дарв, так же как и прочие, состоит из нескольких групп жилищ, пристроенных друг к другу. Постройка состоит из нескольких помещений, „комнат“ жилого и хозяйственного назначения. Фасад выходит на север; в дом ведут два входа, расположенные рядом: один в помещение для скота, которое наглухо изолировано от жилой части дома, другой — в остальные помещения дома. Первое помещение parvōr служит летним жилищем, где спят и проводят время днем летом. Это — наружное помещение при доме, которое можно условно назвать террасой, так как две его наружные стены не доходят на 0.5 м до крыши, и потому оно не является жилым в собственном смысле слова. Чтобы попасть во внутренние помещения, надо войти в коридор через наружную дверь дома. Этот коридор (kuča) соединяет все „комнаты“ и служит в доме внутренним узким проходом. По левую руку от двери устроено второе летнее помещение. Особенность его та, что оно не имеет стены, отделяющей его от коридора. Крыша в этом месте поддерживается столбом (sutun). В глубине дома устроен mūr (кухня и зимнее жилище), несколько больших размеров по сравнению с остальными помещениями. Пол в mūr повышен по сравнению с полом в коридоре и в остальной части дома. В mūr имеется ínkir (очаг), который устроен прямо против входной двери так же, как в доме Рамазони Рахмона. Часть площади пола около очага называется ínkirsara (т. е. голова очага). Около половины пола mūr'a повышено еще на 0.25—0.5 м. Это — глинобитная площадка в комнате, устроенная вдоль по стене, противоположной входной двери, и предназначенная для спанья. В зимнее время здесь спят все члены семьи. Здесь

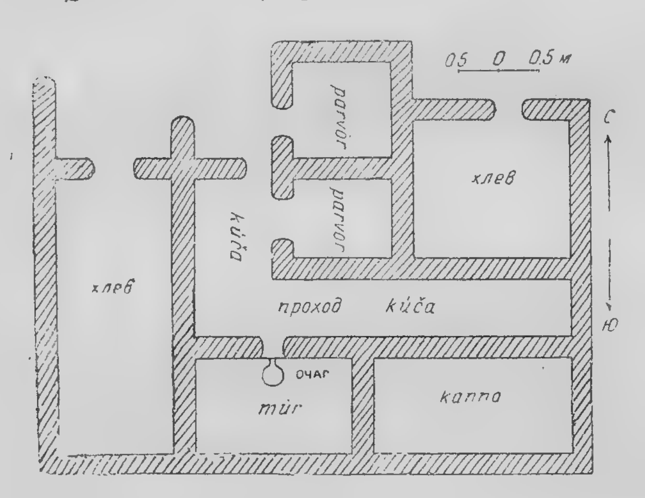


Рис. 16. План жилища индивидуальной семьи в сел. Хисоки-дарв (бывш. зажиточный дом).

сложены также различные домашние вещи. По правую руку от коридора рядом с mūr, расположена kánna, где, как и в parvōr'е, спят в летнее время; кроме того, здесь хранятся запасы пищи, здесь приготавливают тесто и хлеб, перед тем как его выпечь в очаге. В kánna также ведет из коридора особая дверь. Начиная от двери mūr'а, коридор поворачивает налево и оканчивается нишей с полками, где сложена разная утварь. Ниши имеются в каждой комнате; они очень небольшие, прямоугольной формы и вытянуты не в высоту, а в ширину. Дом освещается в нескольких местах при помощи rúča. Упомянутый нами ínkir — единственный очаг во всем доме. Никаких очагов или печей, кроме mūr'а, не имеет ни одно помещение. Лишь вне дома, около входа в parvōr, устроен небольшой очаг inkirak такого же типа, как ínkir. Это — небольшая, кубической формы, глинобитная площадка. В центре ее помещается круглая яма с отверстиями вверху и в боковой стенке площадки. Верхнее отверстие ямы,

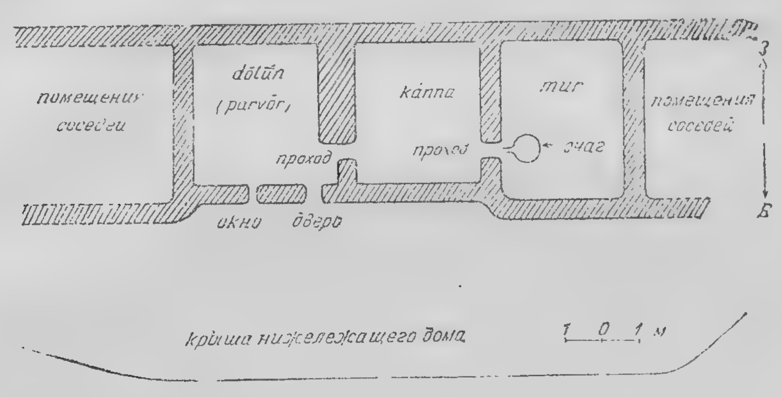


Рис. 17. Часть многосемейной постройки в сел. Пскон; помещения, занимаемые семьей Бобо Раджаба.

огневого пространства, уже ее дна; боковое отверстие служит для подкладывания топлива. Назначение inkirak'а — кипячение воды для чая.

Тип только что рассмотренного нами жилища характерен для всего среднего Ягноба. Большие общие дома для нескольких семей состоят из многих таких же помещений, размеры которых варьируют в зависимости от величины семьи. Следует заметить однако, что в Ягнобе совершенно отсутствуют жилища больших размеров, занимаемые индивидуальными семьями, и постройки отдельных семей, изолированные от прочих строений, встречаются лишь в виде исключения.

Обратимся теперь к постройкам верхнего Ягноба, чтобы окончательно выяснить все характерные особенности высокогорного жилища и выявить общий тип его, распространенный в Ягнобе. Остановимся на двух, наиболее характерных примерах. Семья Бобо Раджаба в сел. Пскон занимает часть помещения многосемейного дома (рис. 17). Помещения этой семьи изолированы от жилищ соседей внутренними глухими стенами. Наружная дверь ведет в первое помещение dōlūn. Dōlūn предназначен для тех же целей, что и parvōr в помещениях в сел. Хисоки-дарв. Направо от двери устроен проход в следующее помещение kánna. Это — летнее жилище, кроме того, здесь лежат запасы продуктов, дрова и различные предметы домашнего обихода. В боковой стене dōlūn'а устроено небольшое прямоугольное отверстие rúča для освещения. В kánna нет никаких световых отверстий, и оно освещается только тогда, когда открыта наружная дверь, причем часть света падает в проход, ведущий в kánna. Следующий проход

из kánna ведет в mūr — в кухню и зимнее помещение, центральную часть жилья. Mūr — такого же устройства, как и описанные нами выше.

Двери и проходы устроены с высокими порогами (ostona) для лучшей защиты от холода. Высота дверей небольшая, так что человек среднего роста должен входить согнувшись. Жилая площадь очень невелика. Каждое из помещений жилища занимает в среднем от 6 до 10 кв. м. Высота mūr'a равна, примерно, росту среднего человека; высота остальных помещений несколько больше. Жилище Бобо Раджаба типично для сел. Пскон, и нам нет надобности останавливаться на описании других жилищ этого селения. Отметим лишь некоторые моменты. В каждом доме часть пола у первой входной двери в первом проходном помещении понижена и называется „kúča", т. е. тем же термином, что и упомянутый нами выше коридор внутри жилища. Здесь входящие оставляют галоши или

Рис. 18. Жилая постройка трех семей в сел. Пскон.

очищают от грязи сапоги, прежде чем пройти в жилище. Тем же термином „kúča" называют место около входной двери снаружи дома, в тех случаях, когда дверь в дом ограждена небольшой стенкой, сложенной из камня, высотою по грудь взрослого человека. Назначение этой стенки — защита двери от заноса снегом зимой. Помещения для скота у большинства домохозяйств выстроены отдельно от жилищ и расположены, как и жилища, группами по 5—6 хлевов или же одной постройкой, с несколькими отделениями в ней, ниже жилищ, на склоне либо несколько в стороне от них, в зависимости от характера склона.

Другим типичным для нас примером послужит жилище Джума Одина в сел. Дехи-балянд. Эта семья также занимает часть помещений в общем доме для многих семей. Жилища отдельных семей составляют верхний (второй) этаж; ниже их, уступом расположены хлевы, так что общая крыша их служит площадкой, на которую выходят двери жилищ (рис. 19). Семья Джума Одина занимает два помещения в верхнем этаже; ей же принад-

лежит один хлев в нижнем. Входная дверь ведет здесь непосредственно в mūr; направо от нее внутренняя дверь ведет в kánna. Mūr — помещение квадратной формы. Пол в mūr земляной, бóльшая половина его, по отношению к остальной площади, повышена на 0.5 м; здесь, налево от входной двери, устроен ínkir. Эта повышенная площадь пола называется „inkir sara“. Боковое отверстие inkir'a inkiríta выходит вровень с землей, поблизости от входной двери. Остальная часть площади пола носит название „kúča“. В стене, выходящей наружу, устроено окно для освещения (rúča). Второе rúča устроено в крыше над очагом. В углу, противоположном входной двери, устроен второй ínkir; он возвышается от земли примерно на 1.25—1.5 м; перед ним устроена небольшая площадка из каменных плиток — sufak. Этот ínkir другого типа, т. е. типа таджикских очагов oṣton и qasabá, только без дымаря (рис. 20). Под ним находится ниша, выходящая вровень с землей. Сюда сложены различные домашние вещи.

В летнее время mūr служит местом постоянного пребывания семьи. Kánna — также квадратное помещение. Здесь устроены хранилища зерна

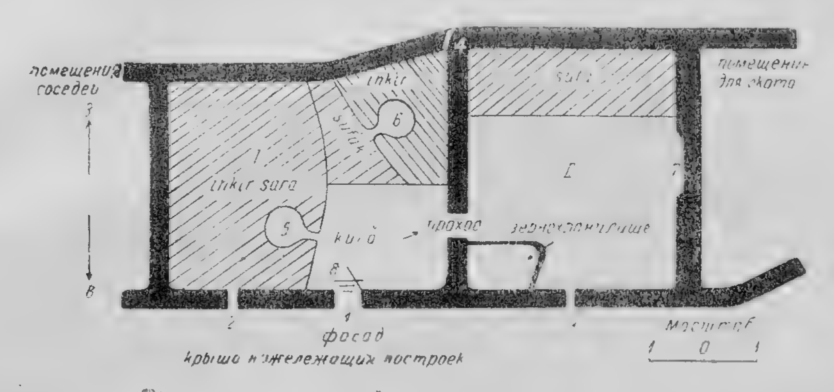


Рис. 19. Жилище Джума Одина в сел. Дехи-баланд. *I* — mūr; *II* — kánna; *1* — дверь; *2—4* — окна; *5—6* — очаги; *7* — ниша; *8* — лестница из каменных плит.

и муки (sufa) — глинобитные, кубической формы, высотою около 0.75 м. Одно хранилище помещается в углу направо от прохода, другое устроено налево от прохода, вдоль всей стены; оно имеет несколько отделений (čora) для пшеницы, ячменя, гороха и других запасов.

Таково, в общих чертах, внутреннее устройство ягнобского жилища наиболее распространенного типа. Мы не касались здесь многих технических деталей и далеко не представили полного, исчерпывающего описания жилой постройки. Для нас важно лишь установить определенные типы построек, связанные с развитием семейных отношений. Как удалось установить, в Ягнобе получили всеобщее распространение два типа жилища: дома для многих семей и жилище индивидуальной семьи. Появление каждого из этих типов жилища обусловлено различными причинами социального и экономического порядка.

Нам остается теперь отметить основные особенности ягнобской архитектуры, и здесь представляются вполне ясными три момента.

1. Архитектура жилища соответствует климатическим условиям высокогорной местности. Небольшая высота помещений, низкие и одностворчатые двери с высокими порогами, поднятие пола в главной части жилья (в mūr), стремление к возможно меньшему количеству световых и для выхода дыма отверстий (rúča) — все это говорит об учете строите-

лями климатического режима в осеннее и зимнее время года. Влияние топографии местности на характер ягнобского селения, на расположение отдельных построек в нем также вполне ясно.

2. Техника строительства домов в Ягнобе соответствует уровню развития техники общества. Тип ягнобского жилища более архаичен, нежели тип жилища в соседних горных районах. На основании нашего описания ягнобской постройки можно судить о ее примитивности, о неразвитости техники домостроения. В следующей главе о постройках варзобских ягнобцев мы остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

3. Совместное проживание большого количества лиц и ведение ими общего хозяйства неизбежно должно было иметь своим результатом

Рис. 20. Очаг „inkir“ таджикского типа в жилище Джума Одина.

и необходимым условием развитие определенного типа постройки. Развившаяся из патриархальной общины моногамная семья первоначально неизбежно несет в себе многие черты патриархального уклада жизни. Экономические связи с сородичами принимают форму связей соседских. Появление общего жилища у семей, ведущих уже раздельное хозяйство, но еще связанных экономическими (общие пастбища и сенокосы, общинное водопользование) связями, вполне закономерно, а не является чисто случайным явлением. Индивидуальная семья воспринимает опыт техники домостроения, накопленный многими предшествующими поколениями. Экономическая слабость, при недостатке некоторых строительных материалов (в частности дерева в Ягнобе), заставляет семьи, утерявшие уже старые экономические связи, строить общие жилища. Такие, общие для двух—трех семей, жилища весьма распространены в Ягнобе. Жилища нескольких хозяйств, пристроенные друг к другу, по существу являются также общими постройками, так как не везде можно выбрать площадку на склоне, удобную для постройки жилища достаточной величины; поэтому

помещения различных семей, будучи пристроенными друг к другу (достигается экономия строительного материала и затраты трудовой энергии), могут и не иметь общей кровли, располагаясь как бы уступами или этажами по склону. Эти условия способствовали устойчивому сохранению технических навыков строительства общинных жилищ.

Таким образом для нас представляется вполне ясным, что современная жилищная архитектура ягнобцев имела предшествовавшие стадии своего развития, что в определенных архитектурных формах запечатлелись определенные этапы развития общества и семьи. Многосемейная постройка дает нам ключ к пониманию этого процесса. В свете той значительной роли, какую играли упомянутые нами выше остатки первобытно-коммунистических отношений в производстве и в социальной организации обще-

Рис. 21. Жилище индивидуальной семьи в сел. Пскон.

ства, многосемейная постройка находит свое объяснение, освещая, в свою очередь, процесс развития ягнобского жилища, который шел следующим путем. Прототипом современной постройки послужил общий „большой дом“ — постройка патриархальной домашней общины, т. е. жилище для нескольких поколений кровных родственников, объединенных в общем домохозяйстве под главенством одного патриарха. Численность подобной семьи, а равно организация совместного добывания средств существования и традиции совместной жизни нам уже неизвестны. Мы можем лишь догадываться об этом по тем остаткам экономической структуры и социальной организации доклассового общества, которые мы находим в Ягнобе, а также имея перед собой пример большой семьи у таджиков Ванджа.[1]

[1] Семья Хисрау Бачамарда из кишлака Лянгар в Вандже до раздела в 1929 г. насчитывала 54 человека и состояла из шести ветвей: пяти братьев и одного двоюродного брата с их потомством — детьми и внуками. Площадь центрального (зимнего) помещения в доме Хисрау Бачамарда равна 121 кв. м. Вдоль по стенам этого помещения расположены глинобитные нары, разделенные рядом деревянных перегородок на отделения — „спальни“

Таких жилищ мы не находим уже в Ягнобе. Мы встречаем там следующую стадию архитектуры — многосемейную постройку (bōmi kalōn), в которой живут семьи родственников. Часть из них уже выделилась из общины, часть продолжает жить совместным домохозяйством. Третий тип архитектуры — совместная постройка и пристройка жилищ индивидуальных семей, ведущих раздельное хозяйство, но, как уже сказано, еще не порвавших окончательно связей с общиной, хотя старые родовые связи и сохраняются лишь в качестве смутных воспоминаний и традиций народа. Третьему типу соответствует рассмотренная нами постройка Рамазони Рахмона и его соседа. К третьему типу относится большинство жилищ; это — наиболее распространенный в настоящее время в Ягнобе тип постройки. Четвертый тип — тип постройки-усадьбы, весьма распространенный в других районах, в Ягнобе встречается чрезвычайно редко. До революции такие постройки-усадьбы принадлежали высшим представителям феодальной знати — представителям гражданской и духовной власти и эксплоататорской верхушке населения.

Как выше сказано, мы не находим уже в Ягнобе типа постройки, свойственного домашней общине в ее развитой форме. Выделение брачных пар с их потомством из общины в самостоятельные хозяйственные единицы привело к изменению в архитектуре. Общий большой дом заменяется многосемейной постройкой. Следовательно, наша bōmi kalōn соответствует той ступени общественного развития, когда патриархальная община находилась уже в упадке, оставаясь еще распространенной формой семьи у ягнобцев, тогда как моногамная семья „поднялась над родом" (Энгельс), угрожая самому его существованию.

С течением времени, с разложением патриархальных общин, с ростом индивидуальной семьи, как самостоятельной хозяйственной единицы, исчезали всякие воспоминания о старых родовых связях; конечный результат этого процесса — совместное проживание под одной кровлей семей, уже неродственных друг другу. Нам становится понятным поэтому строительство в Ягнобе общих жилищ как членами одной патриархальной общины, так и родственниками, уже разрушившими совместное хозяйство своих предков, так и семьями, уже утерявшими старые родовые связи. Современная постройка запечатлела этот процесс; ей предшествовал большой дом со многими помещениями, из которых каждое было определенного назначения и находилось в общем пользовании всех проживающих в таком доме. С разложением общины, с выделением из общего хозяйства брачных пар, изменяется общинная постройка. Вместо сообщающихся помещений появляются изолированные, разделенные внутренними глухими перегородками-стенами. Различные семьи устраивают отдельные наружные входы в помещения, отныне принадлежащие только им. Прежде всего, как надо полагать, разделившиеся семьи устраивали отдельные, каждая для себя mūr, так как с разделом хозяйства нет общих запасов пищи и общей трапезы. Поскольку вначале скот был общей собственностью всей общины, то и содержался он в общих помещениях; однако с переходом его в частную собственность отдельных семей появляется необходимость в строительстве отдельных хлевов, составляющих собственность отдельных семей. Но и хозяйственная постройка, как мы убедились выше, отражает тот же процесс, что и жилище. Так, напр. в восточной части Номиткона располо-

---

отдельных „малых" семей. Кроме того, при доме имеется большой dolun (летнее помещение) и различные пристройки: кушхона для приема гостей, два пештока — крытые террасы для летнего времяпрепровождения, пять кладовых, четыре хлева, одна конюшня, одно помещение для хранения молока, два сарая для соломы и одна мельница (Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-болō).

жена группа хлевов, пристроенных друг к другу, для скота семейств-соседей, живущих отдельными хозяйствами. Часть из них имеет общую кровлю и представляет собою одну постройку с несколькими помещениями и отдельными входами в них, часть пристроена, имея лишь две наружные стены и отдельную крышу (третьей стеной является стена соседнего хлева, четвертой — естественный склон, срытый так, чтобы получить заднюю стену и земляной пол).

В предыдущей главе о селении мы высказали предположение о том, что в отдаленном прошлом ягнобцы селились по родовому признаку. О том, как происходил процесс расселения ягнобцев в то время, когда они жили еще родовым строем, мы можем предполагать, пользуясь исследованием Моргана по архитектуре пуэбло индейцев р. Сан-Хуан. „Подобно феодальному замку, каждый дом из маленького превращался в большой, путем пристроек, воздвигаемых по мере надобности. Когда один из таких домов, достигнув достаточных размеров, становился чрезмерно населенным, то, по всей вероятности, выселялась сильная колония, подобно рою из маточного улья, и основывала свой собственный дом, выше или ниже в той же долине. Это повторялось, по мере того как население увеличивалось, пока не вырастало несколько пуэбло на протяжении двенадцати или пятнадцати миль, как это случилось в долине р. Чако. Когда для общего пропитания в долине начинало нехватать продуктов, то колонисты отправлялись на поиски новых мест в более отдаленные края“.[1] Характерной особенностью американских племен, как сообщает нам Морган, было расселение по родовому признаку. „Кэлеб Сван, посетивший в 1790 г. индейцев крик в Георгии, рассказывает, что они живут в маленьких домах, похожих на кабинки, но дома эти стоят группами и каждую группу занимает часть рода или клана. Он замечает, что самые маленькие из этих поселений объединяли от 10 до 40 домов, а в более крупных поселениях было от 50 до 200 домов, довольно тесно примыкавших друг к другу. Дома эти стояли группами по 4, 5, 6, 7 и 8 штук. В каждой группе домов помещается клан или семья близких родственников, которые живут сообща и едят вместе. Мы имеем таким образом совершенно определенное свидетельство существования домохозяйства, состоящего из нескольких семейств, объединенных близким родством и живущих в отдельных группах домов на коммунистических началах“.[2]

Как мы видим, ƅómi kalón в Номитконе вместе с пристройками составляет не менее одной трети селения; бо́льшая часть из живущих там семейств связана между собой тем или иным родством, а часть из них ведет общее домохозяйство. Группировка жилищ в селении, характер расселения ягнобцев мелкими поселениями, кварталами и выселками находят свое объяснение в родовой организации общества, отжившей уже в качестве социального организма, но еще не исчезнувшей окончательно до Октябрьской Социалистической революции. То, что в настоящее время родовой принцип расселения уже не выдерживается и мы находим в одном селении и даже в квартале его семьи, не признающие между собой никакого родства, и, напротив, находим родственные семьи часто в различных частях долины, нас не должно смущать. Это объясняется естественной ограниченностью средств существования в природных условиях Ягноба, при низком уровне состояния техники и производства в прошлом, которая по мере разрастания коммунистических общин приводила к неизбежному дроблению их, к поискам новых мест поселений. С дроблением большого домохозяйства появлялся ряд более мелких родственных групп, живущих

---

[1] Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 129.
[2] Там же, стр. 45.

общим домохозяйством в различных частях долины. В дальнейшем на смену коммунистической общине приходит патриархальная домашняя община. Разрушение прежней хозяйственной единицы с развитием ряда новых естественно приводит с течением времени к потере прежних родственных связей, а общинный порядок пользования пастбищами и покосами и ирригационной сетью, обязательный для всех семейств, живущих в одном селении, приводит к установлению новых экономических „соседских“ связей, несомненно более реальных и жизненно необходимых, чем старые связи с ушедшими сородичами. Потому-то в настоящее время мы находим в Ягнобе родственные семьи разбросанными в разных частях долины и даже в смежных районах (в Варзобе).

Мы говорим о семьях родственников не в современном смысле этого слова, не различающем в понятии „родственник“ родство по женской и по мужской линиям, а в смысле понятия „сородичи“, так как ягнобцы в понятие „родственник“ всегда вкладывают родство по мужской линии. Если говорят о какой-либо семье, родственной данному домохозяину, это значит, что кто-либо из членов домохозяйства с той и другой стороны связан общим происхождением по отцу, деду и т. д. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о пережитках отцовского рода.

Таким образом наше предположение о том, что некогда ягнобцы были расселены по родовому признаку и что общим домохозяйством на коммунистических началах жили все жители селения, основывается на многих явлениях в жизни ягнобского общества. Наше предположение объясняет, следовательно, и такие явления, как взаимопомощь односельчан продуктами питания, ибо немыслимо было, чтобы в одном конце селения „люди нуждались и голодали, а в другом конце царили бы довольство и изобилие“ (Морган). Потому-то всякий, прибывший извне по какому-либо делу к одному из односельчан, рассматривается как гость всего селения. Немыслимо, чтобы такое выдающееся событие в жизни семьи односельчанина, как свадьба, прошло без внимания всего селения. Гости жениха — гости всех его сородичей, а некогда его сородичами являлись жители всего селения. В силу традиции жених приглашает односельчан на свое свадебное пиршество; в силу традиции же они принимают родню его невесты, устраивая обед для гостей всем селением. Конечно, мы должны сделать оговорку, что в настоящее время эти традиции, как и те, о которых речь пойдет ниже, не являются строго обязательными для каждого ягнобца. Не во всех без исключения случаях они осуществляются; однако сила традиции еще достаточно велика.

Чтобы закончить описание ягнобского жилища, нам остается выяснить еще один существенный момент. Выше мы убедились в том, что одной из важнейших функций ягнобской общественной михмонхоны является гостеприимство. Спрашивается: чем было вызвано строительство частных hijrá, а равно и частных mēhmōnxōná у более состоятельных хозяйств?

Hijrá ягнобцев и частные mēhmōnxōná у таджиков и ягнобцев выполняют одинаковые функции. Не является ли hijrá чуждым для Ягноба явлением, принесенным, перенятым от населения соседних районов, тем более, что в отделке их принимают участие мастера-таджики?

Для лучшего уяснения вопроса обратимся еще к нескольким фактам. Hijrá в доме Рамазони Рахмона копирует в своем устройстве частные mēhmōnxōná зерафшанских таджиков, которые мы наблюдали во время наших экспедиций. Эти дома для гостей на Зерафшане выстроены отдельными постройками. Заметим, что у зерафшанских таджиков прибывшие гости или посторонние принимаются еще на так называемой мужской половине дома, т. е. в особой комнате, куда с приездом гостей женщинам вход запрещен. Устройство этих мужских половин ничем не отличается от

прочих жилых помещений. Частные mēhmōnxōná встречались нам в среднем и верхнем Ягнобе. Сходство таких домов с уже рассмотренными общественными mēhmōnxōná освобождает нас от детального описания их. И hijrá и частная mēhmōnxōná, как правило, характерны для зажиточных и состоятельных слоев населения дореволюционного кишлака в Ягнобе; они не встречаются в обычных дехканских домах; однако в каждом доме можно видеть специальные места, предназначенные для приема гостя. О чем говорят эти факты? Они говорят о том, что ягнобцы не просто заимствовали традиции таджиков. Они указывают на закон гостеприимства, выраженный в общественных традициях и обычаях как ягнобцев, так и таджиков и свидетельствующий об остатках первобытно-коммунистических отношений у тех и других. Этот закон гостеприимства был распространен в прошлом как в Ягнобе, так и в смежных районах Зерафшана. Несомненно, что общественная mēhmōnxōná соответствует той ступени развития, когда община охватывала собой все селение, когда все селение или, точнее, отдельные кварталы его жили общим домохозяйством. В то время не было никакой необходимости в устройстве частных домов и помещений для гостей, так как не было построек, составлявших частную собственность отдельных семей так же, как не было и индивидуальной семьи, ибо общество еще не вышло из родового строя. Частная hijrá — несомненно более позднего происхождения. Она связана с ростом частной собственности и имущественного неравенства. Развивавшаяся из патриархальной общины индивидуальная семья, как мы видим, несет в себе черты былого коммунистического образа жизни и, согласно выработанным представлениям, не может еще пойти на такой шаг, как полный отказ от закона гостеприимства, закона всеобщего и обязательного для всего общества. Отсюда ведет свое происхождение частная hijrá индивидуальной семьи. Строительство ее доступно было для немногих состоятельных семей, вынужденных еще считаться с традициями общества. И если такие семьи строили свои hijrá с помощью мастеров-таджиков, труд которых они в состоянии были оплатить, и применяли у себя технику домостроения таджиков, потому что она была им доступна, то это — еще не простое заимствование более совершенных типов жилища, ибо частная hijrá соответствует сложившимся общественным отношениям. Этот „перенятый" тип жилища уже не чужд ягнобской действительности, потому что только в результате „собственной" истории общества, в результате роста частной собственности и индивидуальной семьи было возможно в Ягнобе появление частной hijrá. Частная mēhmōnxōná — еще более позднего происхождения; это — результат дальнейшего роста богатства в руках отдельной семьи или группы родственников. Как мы видим, эти дома и помещения для гостей, так же как и жилище, в своей архитектуре отразили процесс расслоения общества на различные социальные группы, совершавшийся вплоть до революции. Частная mēhmōnxōná характерна только для высшей аристократической верхушки дореволюционного кишлака. Как видно, общественная mēhmōnxōná, частные hijrá и mēhmōnxōná свидетельствуют о трансформации первобытно-коммунистических отношений под влиянием развивавшихся отношений классового общества.

ЖИЛИЩА ЯГНОБЦЕВ И ТАДЖИКОВ ВЕРХНЕГО ВАРЗОБА

К югу от Гиссарского хребта лежит долина р. Варзоб. Территория этой долины с притоками р. Варзоб составляет Варзобский район. Районный центр его, сел. Варзоб, расположен к северу от столицы республики, Сталинабада, в 18—20 км.

Население верхнего Варзоба — таджики и ягнобцы. Ягнобскими селениями являются: Кок-тепа в верховьях р. Зидди (приток Варзоба), Зуман, Гароб и Оби-сафед в верховьях Варзоба. Отдельные семьи ягнобцев и группы их живут еще в таджикских кишлаках этого же района. Таджики населяют двумя компактными группами долину р. Зидди — местность, называемую ими „Ziddi", и долину Варзоба. Верховья Варзоба местными таджиками называются „Varzōbi bōlō" (Верхний Варзоб). Обе эти долины лежат в отрогах Гиссарского хребта и разделены цепями гор.

Обе эти долины обладают более мягким климатом, нежели Ягноб. Здесь больше древесных насаждений в селениях и зарослей в горах. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, так как здесь дерево, в качестве строительного материала, играет бо́льшую роль.

Как мы знаем, выселение из Ягноба, так же как и отходничество, было вызвано до революции экономическими и политическими причинами и носило характер массового явления. В этнографической литературе упоминаются лишь два селения выселенцев — Кок-тепа и Зуман; очевидно, более полных сведений до настоящего времени не было. Время возникновения кишлаков выселенцев в настоящее время невозможно определить. М. С. Андрееву жители Кок-тепа в 1927 г. называли дату „250 лет тому назад"[1]. Один старик, житель Кок-тепа, рассказывал нам со слов своего умершего отца, что первые выселенцы с Ягноба пришли сюда очень давно. Здесь были пастбища, куда гоняли свой скот узбеки, они называли это место „Кок-тепа", т. е. „высокое, зеленое место". Это название сохранилось за ягнобским селением в качестве собственного имени. М. С. Андреев сообщает, что жители ведут счет годам, прошедшим со времени возникновения кишлака выселенцев; в настоящее время этого сказать нельзя. Теперь мы находим здесь семьи, предки которых выселились из долин Ягноба и Куля, из разных селений и неодновременно. Преимущественно это выселенцы с так называемой „теневой" стороны, где злаки вызревают позднее и где собирается меньший урожай по сравнению с „солнечной" стороной долины.

В настоящей главе мы ставим себе целью выяснить, насколько сохранились традиции и обычаи ягнобского народа в таджикском окружении и насколько это отражено в жилищной архитектуре.

---

[1] Экспедиция в Ягноб в 1927 г. под руков. М. С. Андреева. Бюлл. САГУ, 1928, вып. 17.

В этнографической литературе утвердилось совершенно неприемлемое мнение, что ягнобцы, живя с давних времен в таджикском окружении, полностью восприняли культуру и обычаи таджиков, сохранив, однако, свой язык. Вопрос о языке, таким образом, в литературе рассматривается совершенно изолированно от вопросов социальной жизни самого народа. Мы считаем, однако, необходимым, на основании конкретно существующих фактов, указать на неприемлемость такого представления о ягнобском обществе.

Как можно было уже заметить, некоторые детали архитектуры жилища в самом Ягнобе в современной живой речи ягнобцев обозначаются теми же терминами, что и у таджиков. Очевидно, в данном случае налицо таджикское влияние в современном языке ягнобцев. Однако таких терминов

Рис. 22. Селение Кок-тепа, верхний Варзоб.

сравнительно немного, и, как следует предполагать, древним обитателям Ягноба они не были известны. Мы убедились выше, что типы жилищ ягнобцев полностью соответствуют сложившимся общественным и семейным отношениям. В этом существо вопроса; наличие отдельных таджикских наименований деталей архитектуры не меняет его. Обратимся к селениям выселенцев.

Кишлаки Кок-тепа, Зуман, Гароб и Оби-сафед по характеру своему мало отличаются от кишлаков в долине Ягноба. Они также расположены на склонах и делятся на кварталы. Жилища расположены группами, пристраиваются друг к другу. Здесь также можно найти общие для двух, трех и более домохозяйств постройки. Так, напр., в Кок-тепа есть дом, в котором живут шесть домохозяйств: Навруз Дарвиш, Али Шариф, Йор Мирзо, Юсуф Назир, Юсуф Джума и Шо Гадо. Первые три из перечисленных — кровные родственники, внуки деда Авоза, ныне умершего. Авоз имел трех сыновей: Дарвиша, Шарифа и Мирзо, от которых остались

сыновья — названные здесь дехкане. Эти три семьи внуков Авоза живут раздельными домохозяйствами, но в общем, в настоящее время многосемейном доме, в котором когда-то жило большое домохозяйство Авоза. Такую же постройку для многих семей мы находим в сел. Зуман. Там же имеются и общие хлевы с несколькими помещениями для скота различных хозяйств. Жилища не ограждены и не имеют дворов. Хлевы располагаются ниже жилищ или где-либо поблизости от них, причем так же, как и жилища, группами по 5—6 помещений под одной крышей. В каждом селении имеется общественный дом для гостей со всеми характерными для него функциями, как в Ягнобе.

В качестве строительного материала при постройке жилищ употребляется камень, кирпич-сырец и глина, смешанная с саманом. Вначале подготавливается место постройки, т. е. ровная площадка, затем выкладывается из камней фундамент и скрепляется глиной. Фундамент имеют, однако, не все жилища; его назначение — закрепить площадь постройки от осыпания там, где склон слишком крут. Срытый отвесно склон составляет заднюю стену. Ставится каркас и возводятся из кирпича-сырца и камней боковые стены и фасад. Снаружи и изнутри они штукатурятся глиной. Крыши возводят плоские, таким же способом, как и в Ягнобе; они заливаются глиной. Отверстия в крыше (rúča) прикрываются с боков тремя поставленными на ребро каменными плитками, четвертая плитка кладется сверху; полученные таким образом прикрытия дымового отверстия обмазываются глиной. Назначение прикрытия — предохранение от попадания снега, талой воды и дождя внутрь дома. Кроме каменных прикрытий, делаются глинобитные, кубической формы, с закрытым верхом и одним отверстием сбоку для выхода дыма. По внешней архитектуре эти жилища почти не отличаются от жилищ в Ягнобе. Покрытие крыши цементирующей массой делает ее более устойчивой, непропускающей влагу. Постройки здесь бóльших, нежели в Ягнобе, размеров и более тщательно отделаны как снаружи, так и внутри.

Осмотренные нами жилища характерны для середняцкой семьи до коллективизации. В настоящее время эти семьи работают в колхозе; увеличение дохода хозяйств за последние годы позволило приобрести многие вещи городского производства. Внутреннее же убранство жилья не претерпело особых изменений, за исключением зернохранилищ, которых стало больше в домах, и переделки световых отверстий в стенах. В настоящее время устраиваются окна со стеклами.

Осмотренное жилище дехканина Авоз Назира в Кок-тепа состоит из двух жилых помещений. Первое из них — проходное, летнее mūr; второе — зимнее mūr. Площадь первого помещения 7 × 6 м. Высота — полтора роста среднего человека. По правую руку от входной двери устроен очаг (ínkir), обычного ягнобского типа. По левую руку от двери, вдоль стены помещаются глинобитные зернохранилища с тремя отделениями для зерна и муки, которые называются „kuli". Кроме того, есть еще переносное kuli, также глинобитное, кубической формы. По правую руку от двери устроено другое kuli с двумя отделениями. Часть пола перед дверью и ínkir'ом, как это видно по плану, понижена и называется „kúča", сюда выходит отверстие очага (inkirita). Площадь пола вокруг очага называется „ínkir sara". Второй mūr — такого же устройства; отличается он только тем, что здесь, кроме ínkir'a, устроен еще небольшой очажок таджикского типа (oştonča). Никаких дымоходов очаги не имеют, и дым выходит через rúča в крыше. Крыша поддерживается столбами, один из которых находится в центре первого помещения; остальные скрыты в стенах, составляя каркас постройки. Первое помещение не имеет световых отверстий; второе получает дневной свет из окна с застекленной рамой и ставнями.

Наружная и внутренняя двери имеют пороги (dⁱvartaka) и притолоки (dⁱvarsara), устроенные из глины и закрепленные деревом (рис. 23).

Другое жилище, семьи Рамазони Мирзо, имеет три помещения. Первое — проходное, называется „parvǒr“. Здесь пониженная на 0.25 м часть пола (kúča), бóльших размеров, чем в первом доме, и представляет собою как бы проход в следующее помещение mūr, делящий parvǒr на две половины. Одна из них, по правую сторону от двери, называется „kánna“; здесь постлана кошма, сложены одеяла; здесь спят летом, отдыхают днем и принимают гостей. Противоположная половина — хозяйственного назначения; здесь сложены разные домашние вещи и утварь. В стенах устроены ниши (piča) и окно. Следующее помещение — летнее mūr; другое, в глубине дома — зимнее mūr, такого же устройства, как в первом доме. Площадь первого помещения приблизительно 7 × 7 м, второго 4×4 м, третьего 3×4 м.

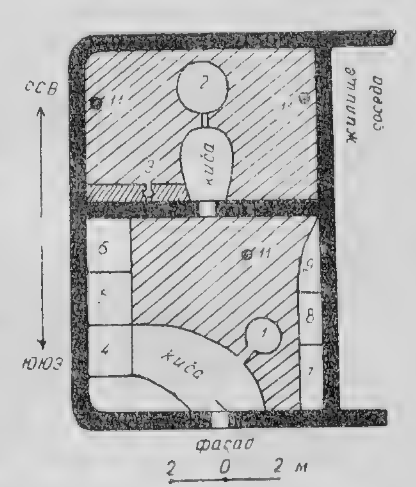


Рис. 23. Жилище Авоз Назира в сел. Кок-тепа. *1—3*—очаги; *4—9*—зернохранилища; *10* — sufa; *11* — столбы.

Жилища Авоз Назира и Рамазони Мирзо характерны для всех остальных в Кок-тепа. Некоторые отличия, в смысле большей или меньшей величины отдельных помещений, тщательности отделки и в убранстве их, имеются в жилищах семей, бывших до вступления в колхоз бедняцкими или середняцкими, а также в жилищах семей, основным источником существования которых является какая-либо работа в городе. В этом случае в доме можно найти большее количество предметов фабричного и кустарного изготовления: лампы, утварь, одеяла и т. п.

Селение Зуман в верховьях Варзоба насчитывает 40 домохозяйств. Современные жители Зумана являются потомками выходцев из среднего Ягноба. Здесь жилища также группируются, пристроены друг к другу. Имеются многосемейные постройки. План одной из многосемейных построек мы здесь помещаем. В ней живут семьи: Мумина Абдуло, Ахмата Юсуфа, Садуло Бободжона, Мирзо Бободжона; последние два — братья, а первые приходятся им дальними родственниками. Мы опишем лишь помещение, занимаемое одним домохозяйством, именно семьей Садуло Бободжона. Входная наружная дверь (dⁱyar) ведет в первое проходное помещение (vekpōra), площадь которого около 50 кв. м. Это помещение разделяется на две половины проходом (kúča), который ведет в следующее помещение, в darūni kat. Обе половины vekpōra, расположенные по правую и левую руку от kúča, называются mūr. Налево от двери находится очаг. Этот очаг устроен по типу таджикского oṣton'a, но носит ягнобское название „ínkir“. В углу, по правую руку от очага, находится небольшая глинобитная площадка (sufak). Под ней имеется ниша, куда складывается различная утварь. Правая половина помещения служит местом отдыха и сна в летнее время. Здесь также принимают гостей. В центре этой части помещения устроена круглая земляная печь по типу ягнобского очага (ínkir'a), но без inkiríta (см. описание ínkir'a). Эта печь носит название „tunurča“. Стена фасада имеет три световых отверстия неправильной формы (rúča). Четвертое rúča устроено над дверью. Следующее помещение darūni kat занимает площадь около 43 кв. м. Здесь, по левую и правую руку от двери, ведущей из vekpōra в darūni kat, помещаются большие

глинобитные зернохранилища (čṓra) кубической формы, с закрытым верхом и отверстиями в стенках, обращенных во внутрь помещения. Эти čṓra делятся на два отделения: верхнее — čṓra, нижнее, меньших размеров — pistik; собственно зернохранилищами служат čṓra; pistik представляют собой ниши под čṓra, в них складываются разные домашние вещи. В одном из углов устроены две ниши для различных вещей. В другом углу, рядом с čṓra, имеется еще небольшое зернохранилище, которое называется kúliča. У стены, направо от двери, стоит переносное kúliča. Часть пола около дверей понижена и называется „kúča“. Крыша дома поддерживается внутри жилых помещений несколькими столбами (sutun). В этих помещениях живут пять человек: хозяин Садуло Furободжон, его холостой брат Фойзуло, жена Садуло Бободжона, его сын и мать. Жилище Садуло Бободжона характерно для всех остальных индивидуальных семей, отделившихся от общины; оно вполне характеризует такие же жилища в сел. Зуман (рис. 24).

Итак, мы ознакомились с устройством жилища варзобских ягнобцев. Чем оно характерно? Обязательной частью жилья является mūr, большинство жилищ делится на помещения летние и зимние; летним помещением могут быть вторые mūr, либо parvṓr и vekpōra. В каждом доме можно найти специальное место, предназначенное для приема гостей, что вполне соответствует традициям, связанным с широко распространенным в прошлом законом гостеприимства, обязательным для всех. В некоторых домах имеются, как в Ягнобе, комнаты, предназначенные специально для приема гостей, куда им приносят угощение и где они останавливаются на ночлег, если пожелают. Эти комнаты называются „hījrá“.

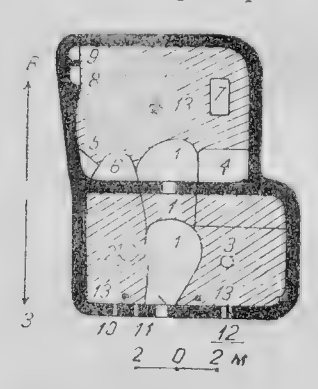


Рис. 24. Жилище Садуло Бободжона в сел. Зуман. 1 — проход; 2—3 — очаги; 4—6 — зернохранилища; 7 — переносное зернохранилище; 8—9 — ниши; 10—12 — окна; 13 — столбы.

Как видно из нашего описания, ягнобцы-выселенцы сохранили свой тип жилища, свойственный селениям в долине Ягноба, и называют части жилища своими ягнобскими наименованиями; однако в числе их уже много таджикских слов. Влияние более культурного таджикского окружения сказывается в более тщательной отделке жилья, в применении некоторых более совершенных технических приемов таджиков в постройке, напр., покрытие rúča. Некоторые дома имеют, как и таджикские жилища в этой местности, bolṓ-xoná, т. е. надстройку над крышей дома, хозяйственного назначения, у которой одна из стен устроена из переплетенных прутьев. Рассмотренные нами жилища характерны только для ягнобских селений; тип жилища таджиков-зиддинцев имеет свои характерные черты.

Таджики-зиддинцы еще в недавнем прошлом, как и ягнобцы, жили большими патриархальными семьями. В сел. Хазора живет семья Домин Раджаба, состоящая из 11 человек. Домин Раджаб живет со своими четырьмя женатыми сыновьями, старший из которых имеет двоих детей. Живут все в одном доме. Ранее Домин Раджаб жил со своими братьями, ныне умершими, в этом же доме совместным домохозяйством. Постройка занимает площадь около 150 кв. м; вблизи дома выстроены еще хлевы для скота. Дом делится на два больших помещения и три меньших. Наружная дверь с улицы ведет в первое проходное помещение, в настоящее время нежилое. Здесь имеется только очаг (degdṓn).

Он представляет собою яму в центре глинобитной площадки-возвышения, примыкающей к стене, противоположной наружной двери. Degdṓn

имеет вырез наружу, в комнату, начинающийся от пола. В этой яме и разводится огонь. Очаг никакого дымохода не имеет; дым, заполняя помещение, выходит наружу через отверстие в крыше, называемое „muri". Muri имеет покрытие на крыше дома, кубической формы, также называемое „muri". Устройство этого покрытия такое же, как и в ягнобских селениях. Следующее помещение—главная часть жилища, площадью около 6,5×6,5 м. Центральная часть этого помещения отгорожена внутренней глинобитной стеной, не доходящей до потолка. Это отгороженное место занимает почти половину всей комнаты и называется „sari degdṓn" (буквальный перевод „голова очага"); здесь постоянно находятся женщины, занимаясь приготовлением пищи, выпечкой хлеба и различными домашними работами. Хлеб пекут в degdṓn'е.

Интересно устройство этого очага. Он помещается у стены, отделяющей sari degdṓn от остальной площади комнаты, представляет собою яму в полу в форме сосуда, у которого диаметр отверстия уже его дна. С другой стороны стены имеется ниша, которая выходит во внутренний центральный проход в комнате (tagi poga). Degdṓn имеет боковое круглое отверстие, которое выходит в упомянутую нишу. Огонь разводится либо в очаге — для приготовления пищи, либо в нише — в целях отопления комнаты и кипячения чая. Tagi poga делит помещение на sari degdṓn и çoji xōb (место для спанья). Çoji xōb представляет собою глинобитную площадку или нары, шириной до 4 м, которые тянутся вдоль всей стены, отделяющей центральную часть

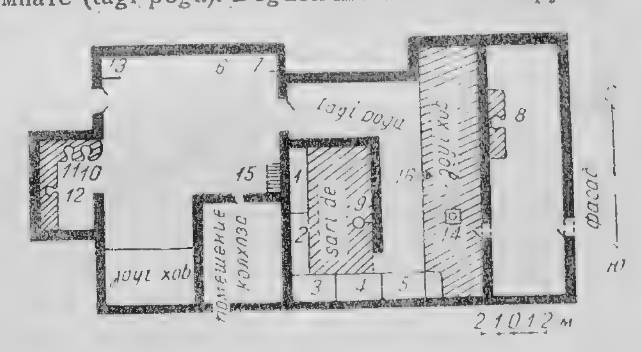


Рис. 25. План жилища большого домохозяйства Домин Раджаба в сел. Хазора. *1—7* — хранилища зерна и муки; *8—12* — очаги; *13* — место для дров; *14* — сандали; *15* — лестница; *16* — столб.

жилья от первого проходного помещения. Tagi poga заворачивает под прямым углом налево от çoji xōb и оканчивается дверью в следующее, третье помещение дома. На нарах (çoji xōb) помещается круглая яма — земляной очаг, по форме копирующий первое отделение упомянутого degdṓn'a. Эта яма предназначена для sandali, который устанавливается здесь зимой. Ночью здесь спит вся семья. Вдоль стен в sari degdṓn устроены глинобитные, кубической формы kuli, с отделениями — хранилища зерна и муки.

Третье помещение занимает площадь около 25 кв. м. Одну треть его, как видно из плана, занимает çoji xōb. Вдоль одной из стен устроен kuli. В углу около двери складываются дрова; это место отгорожено небольшой глинобитной стенкой. Наружная дверь выходит на другую улицу селения. К этому помещению примыкает кухня, площадь которой 3 × 2 м. Здесь устроены три degdṓn'a, такие же, как в первом помещении, предназначенные исключительно для приготовления пищи. Пятая комната в этом доме представляет собою отгороженную позднее часть третьего помещения. В настоящее время она не принадлежит семье Домина Раджаба, а находится в пользовании колхоза и занята имуществом колхоза. В одном из углов третьего помещения устроена глинобитная лестница, ведущая в bōlṓ-xōná. Bōlṓ-xōná — летнее помещение для отдыха; в данном случае оно — исключительно хозяйственного назначения.

Внутри дома крыша в нескольких местах поддерживается столбами. В стенах устроены ниши, куда складывается различная утварь. Свет проникает в дом через muri, а в летнее время года — через открытые двери; специальных отверстий для света в стенах нет.

В прошлом, как рассказывает Домин Раджаб, в этом доме жило несколько десятков человек. Когда был построен дом, Домин Раджаб не знает. Его отец, дед и прадед жили здесь со своими семьями и с семьями своих сыновей и братьев (рис. 25).

В сел. Оби-хирв живет семья Юсуф Шарифа. В состав ее входят следующие лица: Юсуф Шариф — хозяин, Хисори Рахим — 1-й, Хаким Рахим — 2-й, Ходжи Рахим — 3-й сыновья брата Юсуфа Шарифа, Мирзо Карим Юсуф — сын Хаджи Рахима, Мирзо Юсуф — то же, Холит Хаким — сын Хакима Рахима, Сафар Хисори — сын Хисори Рахима.

Кроме того, в доме живут жены Юсуф Шарифа и братьев Хисори и Хакима, четыре малолетних ребенка (один мальчик и три девочки) — дети братьев Рахимовых, и мать братьев Рахимовых. Всего 16 человек. Все мужчины и дети ведут свое происхождение от одного предка — патриарха Шафи, отца братьев Шарифа (отец Юсуф Шарифа, умерший), и Рахима (отец братьев Рахимовых, умерший). Все они живут в одном большом доме, там же, где жили их предки, равно, как и они, совместным, нераздельным хозяйством. В настоящее время все они являются равноправными членами колхоза, продолжая жить одной семьей, не разделяя своего домашнего имущества и питаясь совместно.

Семья Юсуф Шарифа живет вместе с другой семьей, не состоящей с Юсуф Шарифом в родственных связях, в одном общем доме. Эта постройка занимает площадь около 125 кв. м. Она состоит из нескольких внутренних помещений и одной большой наружной террасы (dōlū́n). С dōlū́n ведут отдельные наружные двери (dara) в жилище Юсуф Шарифа и его соседа. Помещения, занимаемые домохозяйством Юсуф Шарифа, отделены от жилища соседа глухой внутренней стеной. Поблизости от дома выстроены еще хлевы для скота. Жилище Юсуф Шарифа состоит из двух помещений (xōná). Каждое из них делится на ряд частей специального назначения, с особыми наименованиями. В первом проходном помещении центральная часть пола по отношению к остальной его площади понижена на 0.5—0.7 м. Это — внутренний проход (tagi poga). Остальная площадь пола представляет собою глинобитные нары, расположенные вдоль стен. Часть нар, которая находится направо от входа, называется „sari degdṓn“. Здесь устроен очаг (degdṓn), выходящий своим вырезом в проход. Кроме того, здесь же, на нарах, ближе к двери, находится большое глинобитное, кубической формы хранилище различных домашних вещей (tokak). За очагом, у стены, устроены хранилища муки (kuli), также глинобитные. Противоположная сторона нар называется „ruji dukon“. Это место сна (çoji xōb); здесь, по утверждению хозяев, в зимнее время спят все шестнадцать человек. Зимой здесь ставят sandali, для чего в том месте, где его ставят, имеется квадратной формы небольшая яма для углей. Degdṓn не имеет дымохода, и дым выходит в отверстие крыши (muri).

Окон в этом помещении нет; свет проникает только через muri и открытую дверь с террасы. Налево от наружной двери другая (внутренняя) дверь из прохода ведет во второе помещение меньших размеров, в котором в настоящее время складывается зерно, немного травы на случай приезда гостей, сельскохозяйственный инвентарь и другие вещи. Это помещение также имеет tagi poga, degdṓn и sari degdṓn; раньше оно было жилым. В стенах жилища устроены ниши (tokak). Крыша в нескольких местах изнутри жилища поддерживается столбами (sutun).

Терраса (dōlū́n) имеет крышу, которая поддерживается столбами, и стены с широким входом по середине. Эти стены по высоте не доходят до крыши и составляют собственно фасад дома. В одном из концов террасы, на высоте стены фасада, устроено покрытие из жердей и поддерживающих их балок. Это покрытие называется ruji bōlo; здесь хранятся дрова. На противоположной стороне террасы, в углу устроены два очага, друг над другом. Их назначение — приготовление пищи летом, кроме хлеба, который выпекается в degdṓn'e, внутри жилища. Dōlū́n рассчитан, как мы видим, на совместное пользование им семьями Юсуф Шарифа и его соседа (рис. 26).

Такова, в общих чертах, архитектура и внутреннее устройство жилищ, занимаемых большими домохозяйствами. Такой тип большого дома характерен для всех селений зиддинцев. Жилища индивидуальных „малых" семей по своей архитектуре и устройству ничем не отличаются от построек больших домохозяйств. Тип постройки (архитектура) один и тот же; здесь могут быть отличия в величине отдельных помещений, во внутренней отделке жилища и в его убранстве, в зависимости от количества лиц, его обитателей, социального и имущественного положения обладателей жилища до Октябрьской Социалистической революции или до вступления в колхоз. Жилища индивидуальных семей группируются по два-три, пристраиваются, подводятся под общую кровлю. Хлевы чаще всего выстроены отдельно от жилья, вблизи его, сбоку от фасада или ниже жилья. Чаще всего жилище состоит из двух помещений, из которых одно летнее, а другое зимнее. Интересно отметить, что постройки, которые характерны для зажиточной семьи в прошлом, всегда занимают большую площадь, состоят из трех, четырех и более высоких и обширных помещений с большим количеством зернохранилищ. Как правило, до революции зажиточными домохозяйствами были как-раз семьи неразделившихся родственников; к такому типу построек принадлежит дом Домина Раджаба в сел. Хазора. К типу середняцких домов (до коллективизации) принадлежит жилище Юсуф Шарифа. Обычно середняцкий дом делится на два помещения — летнее и зимнее, и имеет наружную террасу. Бедняцкие семьи — обычно „индивидуальные" семьи, до вступления в колхоз строили себе жилища значительно меньших размеров. Чаще всего такой дом имел всего одно „зимнее" помещение и пристройку-хлев.

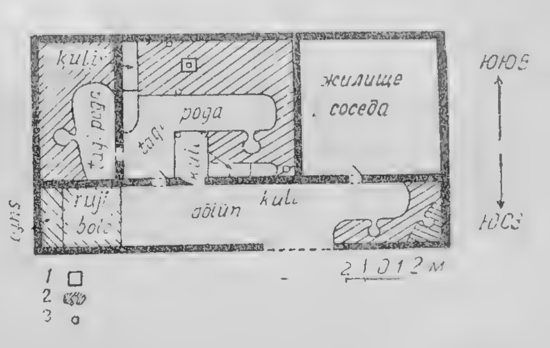


Рис. 26. Жилище Юсуф Шарифа в сел. Оби-хирв.
1 — сандали; *2* — очаг; *3* — столбы.

Как мы могли убедиться, жилища ягнобцев в Варзобе и жилища таджиков-зиддинцев имеют существенные отличия в своей архитектуре. Мы имеем здесь дело с двумя разными типами жилища. Первое и основное отличие — различная величина жилых помещений у таджиков и ягнобцев. Большие семьи зиддинцев (как, напр., предки семьи Домин Раджаба) строили себе обширные жилища. Таких обширных жилищ, которые принадлежали бы одному какому-либо домохозяйству, мы не находим у ягнобцев. В ягнобских селениях мы имеем ряд небольших комнат под общей кровлей, в одном обширном доме, предназначенном для проживания многих семей. Население ягнобских кишлаков, которое жило в прошлом, как зиддинцы, большими семьями, однако, повидимому, не выработало навыков

возведения таких помещений, которые были бы приспособлены для проживания в них большого количества лиц. Оно, вместо одного обширного помещения, предпочитало строить ряд небольших, сообщающихся между собой.

Укажем на другие отличия. Основным строительным материалом у зиддинцев является кирпич-сырец и дерево. Камень-булыжник употребляется, главным образом, в фундаментах. Основным материалом у ягнобцев является камень; кирпич-сырец употребляется также, но, главным образом, в стенах фасадов. Техника внутренней отделки жилья у таджиков, несомненно, выше, чем у ягнобцев. Дома штукатурятся более тщательно и умело; отделка потолков, столбов, поддерживающих крышу, световых отверстий и труб также выше, чем у ягнобцев. Сама постройка зиддинцев более правильной геометрической формы, нежели у ягнобцев. Это обстоятельство, а также то, что ягнобцы в технике строительства домов многое переняли у таджиков, на наш взгляд имеет большое значение; это указывает нам на то, что таджики достигли более совершенных технических навыков в строительном деле. Ягнобское жилище более архаично, нежели постройки зиддинцев.

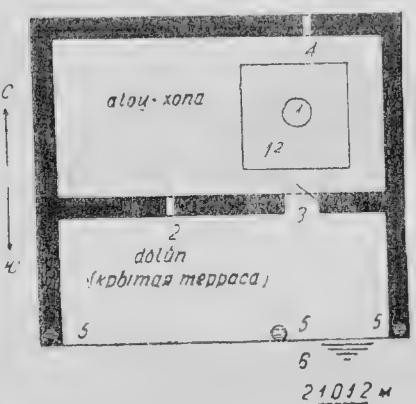


Рис. 27. План общинного дома alōu-xōná (ныне собственность колхоза) в сел. Оби-сафед в верхнем Варзобе. 1 — место для костра; 1² — пониженная часть пола; 2, 4 — окна; 3 — дверь; 5 — столбы, поддерживающие крышу; 6 — лестница из каменных плит.

Итак, мы могли уже убедиться в том, что тип жилища ягнобцев-выселенцев также характерен для них и отвечает сложившимся общественным и семейным отношениям, как и постройка в самом Ягнобе. Вместе с тем мы могли убедиться в том, что, несмотря на различия, имеются общие черты в архитектуре зиддинцев и ягнобцев. В частности, у тех и других мы встречаем дома, общие для нескольких как родственных, так и неродственных семей. Наличие таких общих архитектурных форм говорит лишь за то, что и ягнобцы и таджики Варзоба прошли одни и те же стадии в развитии семьи, в частности имели у себя семью переходного типа—патриархальную семью.

Другие традиции и обычаи ягнобского народа, связанные с пережитками общинного хозяйства и первобытно-коммунистического образа жизни, здесь, у выселенцев, также находят свое выражение.

Население здесь, так же как и в Ягнобе, до революции и до коллективизации гоняло свой скот на общинные пастбища, которые в настоящее время находятся в пользовании колхоза. Характерный для ягнобцев обычай хошара и соседской взаимопомощи здесь также недавно имел место.

Общественная михмонхона имеет те же функции, что и в Ягнобе. Интересно отметить, что у ягнобцев Варзоба она называется не только термином „mēhmōnxōnà“, но и „alōu xōná“, в тех случаях, когда она одновременно является и мечетью. Все рассмотренные нами постройки подобного назначения состоят из двух или трех помещений. Первое — наружное, крытая терраса (dōlún), где собираются дехкане и ночуют путники летом; второе — внутренняя комната, зимнее помещение (alōu xōná); здесь, кроме обычного для ягнобской михмонхоны очага типа qasabá, в центре помещения или же ближе к входной двери устроено большое, квадратной формы углубление в полу, занимающее более одной

трети площади дома. В центре этого углубления, закрепленного деревянными балками, устроена круглая, неглубокая яма, называемая тем же термином, что и очаг в жилом доме, т. е. „inkir". Это — яма для разведения костра. В alōu̯ xōná дехкане собираются в зимнее время для совместной трапезы и времяпровождения. Для этой цели в alōu̯ · xōná разжигается костер, вокруг которого рассаживаются собеседники. Здесь же останавливаются гости и путники (рис. 27).

В настоящее время эти здания составляют общественную собственность колхозов. Сюда собираются колхозники на собрания, здесь хранятся дела колхозов, по вечерам здесь совещаются бригадиры и колхозный актив по вопросам организации труда и трудового процесса на колхозных полях. Там, где нет еще специального здания для школы, общественная михмонхона служит пунктом ликбеза для взрослых и школой для детей. Каждый вечер после окончания работ в поле колхозники — мужчины, женщины и детвора — собираются на уроки, чередуясь друг с другом. Общественная михмонхона вошла в современный быт колхозного кишлака, сохранив и прежние свои функции, связанные с лучшими традициями ягнобского народа.

Нам нет необходимости долее останавливаться на описании селений и жилищ ягнобцев-выселенцев. Мы не находим здесь никакого особого, отличного от ягнобского типа жилища и какого-либо особого уклада домашней жизни. Бесспорным остается и то положение, что ягнобцы имеют много общего с таджиками окружающих районов как в материальной культуре, так и в хозяйственной деятельности и социальной жизни. Однако не „заимствования" в языке и культуре определяют историю общественного развития самого народа. Как известно, в учении основоположников марксизма об историческом процессе вообще заложен ключ к пониманию каждой данной исторической эпохи и к пониманию исторического процесса развития конкретного общества. „Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще".[1] Никаких существенных отличий в „способе производства материальной жизни" у таджиков и ягнобцев, населяющих долину Ягноба и соседние с нею районы верхнего Зерафшана и верхнего Варзоба, объясняемых этническими особенностями, мы не находим, и нелепо было бы их искать. „Способ производства материальной жизни" определил социально-экономический строй этих народов и обусловил развитие рассмотренных нами явлений, которые нашли свое выражение в фактах социальной жизни и архитектуре жилищ.

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии (предисловие). Избр. соч., Партиздат, 1935, стр. 273.

ЖИЛИЩА НА ЛЕТОВКАХ

Продукты скотоводства в дехканском хозяйстве Ягноба до революции играли большую роль. После периода упадка, в годы гражданской войны и басмачества, скотоводство к настоящему времени имеет значительный удельный вес в хозяйстве дехканина-колхозника и в экономике района.

Рис. 28. Летовка сел. Кули-миона (верхний Ягноб); общий вид.

Нам известно уже, какой характер носило скотоводство в Ягнобе вплоть до организации колхозов; также нам известен общинный характер пользования пастбищами в прошлом.

Женщины с детьми, уходящие на лето в горы из своих селений, живут вблизи от пастбищ в специально возведенных для этой цели жилищах. Эти жилища сосредоточены в одном месте, составляя небольшой поселок в горах, обитаемый в летнее время (рис. 28). Эти жилища и поселок называются ягнобцами „xūn“. Опишем посещенные нами летовки и жилища в них.

Жилища на летовке сел. Кули-миона расположены группами, наименования которых „sarxat“ и „dōmēn“. Эти группы летних жилищ как бы

повторяют собой кварталы в селении. Сюда гоняют скот ежегодно жители Кули-миона, причем каждая из семей занимает одно и то же жилище. Как мы уже знаем, сел. Кули-миона делится на кварталы; семьи одной части этих кварталов занимают жилища на летовке только в квартале sarxat, а другой части — только в квартале dōmēn. Обстоятельство весьма интересное: оно указывает на тот же принцип расселения отдельных семей, который характерен и для постоянного селения. Жилища на летовках, естественно, меньших размеров, нежели жилища в селениях; они занимают значительно меньшую площадь (строительную площадку). Поэтому нет необходимости в изыскании новых и новых мест для застройки в связи с ростом численности отдельных домохозяйств. Деление летовки на кварталы характерно не только для данного случая; как

Рис. 29. Жилища на летовке Кули-миона.

упоминалось, восточная и западная стороны сел. Дехи-балянд имеют каждая по самостоятельной летовке. Летовка kuli Vorsout сел. Ворсоут в среднем Ягнобе также делится на кварталы. В Варзобском районе летовки таджиков и ягнобцев также состоят из нескольких групп жилищ (рис. 29).

Здесь, на летовке, мы находим те же обычаи и традиции, сохранившиеся от эпохи первобытного коммунизма, характерные для народа. Летовка Кули-ворсоут имеет специальное помещение для посторонних путников (mēhmōnxōná). Эта летовка расположена вблизи от вьючной тропы. Застигнутый непогодой или нуждающийся в отдыхе путник может остановиться в предназначенной именно для этих целей постройке, расположенной в стороне от жилищ при дороге. При этом кто-либо из мужчин (которые постоянно посещают свои семейства на летовке в течение лета) приносит путнику пищу. Михмонхона Кули-ворсоута представляет собою постройку типа полуземлянки и устроена следующим образом. В земле была вырыта яма круглой формы и устроен проход в нее с двумя ступень-

ками из каменных плиток. Края прохода укреплены камнем на глине. По краям ямы устроены стенки из булыжника на глине, они составляют как бы продолжение внутренних стенок ямы. Крыша устроена таким же способом, как в жилище, в центре ее — отверстие для выхода дыма. В нескольких местах крышу поддерживают столбы из стволов молодых деревьев, вкопанные в землю. Пол земляной, плоский; в центре его находится небольшое, круглой формы, углубление. Здесь разжигается костер для отопления помещения во время ненастной погоды и для приготовления пищи (рис. 30).

Рис. 30. План „дома для гостей", летовка Кули-ворсоут. *1* — стена каменной кладки; *2* — жерди; *3* — слой щебня и земли; *4* — балки; *5* — отверстие для выхода дыма; *I* — проход; *II* — место для костра.

Женщины держатся на летовке еще более свободно, чем в селении: они свободно допускают постороннего для них путника наблюдать за жизнью летовки, ведут с ним беседы и приносят при этом угощение — свежее и кислое молоко и лепешки. О женских товариществах взаимопомощи на летовках мы уже сообщали выше. Взаимопомощь эта идет иногда дальше: проявляется в совместном изготовлении пищи и совместной трапезе двух-трех семейств. На летовке сел. Зуман в Варзобском районе мы встретили даже общие жилища для нескольких семей дальних родственников.

Обратимся теперь к архитектуре и внутреннему устройству жилищ на летовках. Квартал dōmēn летовки Кули-миона представляет собой одно большое строение девяти хозяйств с девятью помещениями-жилищами (xūn), с тремя загонами для скота (kutan). Один загон больших размеров; это общий загон для крупного скота всех этих девяти хозяйств; два других загона предназначены для мелкого скота — ягнят и козлят. Жилища сложены из камня на глине и расположены полукругом; все выходы из них ведут к центральному проходу внутри постройки, который отделяет жилище от большого загона. Этот проход носит название „rōt" (дорога, путь). Жилые помещения в этой постройке разделены внутренними стенами, сложенными из камня; наружная стена одна; продолжение ее образует наружную стену загона. Все строение покрыто большой крышей с девятью отверстиями в ней для очагов отдельных семей (рис. 31). Крыша устроена так же, как и в зимних жилищах, и носит то же название „kus". Окон никаких нет, свет проникает внутрь помещений только через проходы и дымоходы (rūča). В своем внутреннем устройстве xūn копирует зимнее

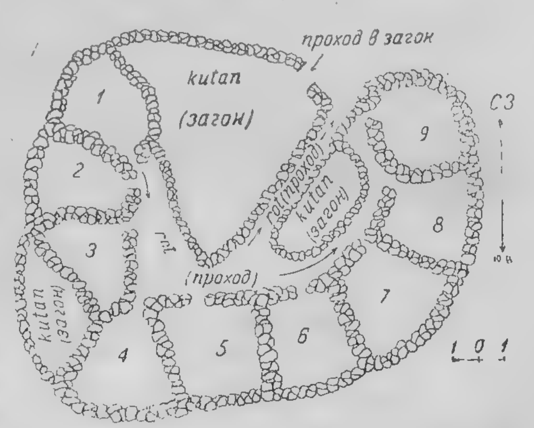


Рис. 31. Схематический план летовки Кули-миона. *1—9* — жилища.

mūr в селениях. Обязательная принадлежность xūna — очаг ягнобского типа, в точности копирующий очаг в mūr'е. Очаги типа oștona на летовках совершенно отсутствуют. В стенах устроены ниши. Отличие этого летнего жилища от kat, в частности от mūr, только в том, что оно примитивно, не выдерживает правильных геометрических форм и не имеет никакой наружной и внутренней отделки скрепляющей массы. Кирпич-сырец здесь также совершенно отсутствует. Скрепляющим материалом для стен служит простая глина. Высота xūna ниже, чем kat, — человек выше среднего роста может ходить в нем, только сильно согнувшись. Особенностью жилищ является еще то, что большинство из них имеет форму, приближающуюся к кругу. Вся группа жилищ вместе с загонами составляет круг и расположена на отлогом склоне; все стены здесь поэтому искусственные.

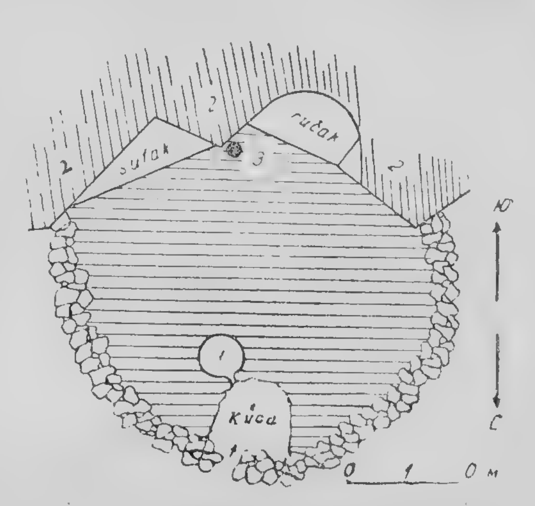


Рис. 32. План жилища на летовке Кули-миона. *1* — очаг; *2* — скала (задняя стена жилища); *3* — столб.

Второй квартал летовки Кули-миона, квартал sarxat, представляет собою группу пристроенных друг к другу жилищ, часть которых расположена рядом, под общей крышей, часть же возвышается друг над другом. Большинство этих жилищ — землянки или полуземлянки, у которых верхняя часть стен представляет искусственную кладку из камня. Крыши сложены из веток, тонких балок и сверху покрыты

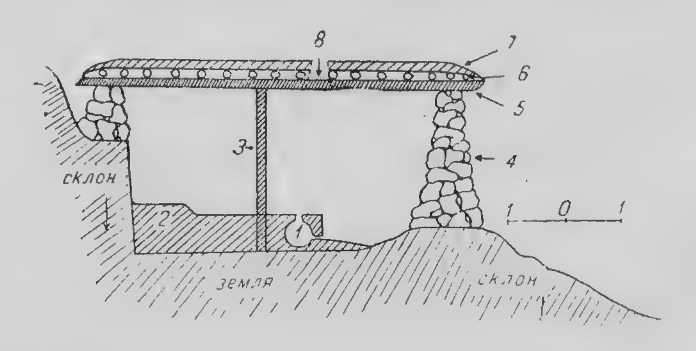


Рис. 33. Вертикальный разрез жилища на летовке. *1* — очаг; *2* — sufak; *3* — столб; *4* — стены из камня; *5* — балки; *6* — жерди; *7* — слой щебня и земли; *8* — отверстие для выхода дыма.

землей со щебнем. Все термины архитектурных деталей у xūna те же, что и у зимнего жилища.

Жилища на летовке вполне соответствуют образу жизни, связанному с уходом за скотом, с необходимостью выселения в горы к пастбищам. Пастбища в Ягнобе у каждого селения постоянные; на них скот пасется из года в год. Вследствие этого постройка летних жилищ постоянного типа является совершенно необходимым условием жизни на летовках.

В соседних районах Зерафшана и Варзоба, на ряду с постоянными пастбищами и летовками, мы встречаем ряд пастбищ у одного селения, которые периодически, в течение ряда лет или даже одного сезона, меняются по мере того, как скот уничтожает травы. В этом случае мы имеем совершенно другой тип жилища на летовках, который в Зерафшане по своей форме и устройству ничем существенным не отличается от юрты кочевников. Это жилище называется „kapa", и больше всего оно приближается к юртам кочевых узбеков южного Таджикистана, в частности к карлукской юрте. Кара — круглой формы, с куполообразным верхом, состоит из деревянного остова, обнесенного плетенкой, составляющей стены жилища; верх закрывается кошмами и паласами; вход в kapa завешен паласом, который при входе отворачивается в сторону или поднимается кверху. В случае перекочевки kapa разбирается, перевозится и ставится на новом месте.

В материалах Среднеазиатской экспедиции Академии Наук СССР 1926 г. содержится описание kapa.

„Остов таких жилищ состоит из нескольких деревянных дуг..." „к которым прикрепляются поперечные жерди. Самую нижнюю часть kapa закрывают плетенкой, которая делается женщинами из тонких прутьев, перевитых у концов шерстяной веревкой. Вход в kapa остается незакрытым плетенкой. Кара покрываются кошмами и шерстяной материей. Верхние кошмы имеют по концам веревки..." „Эти веревки пропускаются под опоясывающую kapa веревку, опускаясь до земли, где оканчиваются привязанными к ним камнями. Дверь составляет полоса шерстяной материи, а иногда кошма..." „Кара может иметь и деревянную дверь. Внешний вид kapa — эллипс или вытянутый немного круг".

„Внутренний вид «kapa» следующий: у одной из меньших стенок, около входа очаг. Очаг состоит из нескольких крупных камней, на которые и ставится котел; дым выходит через отверстие в крыше, для чего при настиле кошмы оставляется специальный промежуток".

„Кухонные принадлежности обычно помещаются на стене за очагом; на противоположной от него стороне помещается kattok — род небольших нар с лежащими на нем постельными принадлежностями; под каттаком поставлены молочные продукты..." „Местом для спанья служит пространство перед каттаком. Размеры kapa: высота 160—180 см, длина 3.5—4 м, ширина 2.45 м".

„Такого рода летние жилища встречаются в Фальгаре (и, как говорили, в Матче) очень часто; их можно видеть и на летовках и в садах, где население спасается от жары, и даже поставленными на открытом месте около селения, как это наблюдается в Урмитане".[1]

В Варзобе мы посетили летовку сел. Оби-малик (верхний Варзоб). Здесь жилища представляют собою следующее. На вкопанных в землю столбах (стволах молодых деревьев) устроен помост из толстых ветвей, стволов молодых деревьев и т. п. На этом помосте стоит конусообразный шалаш из ветвей с листьями, связанных вверху. Каждый из таких шалашей занимает одна семья. Они стоят друг против друга двумя рядами; по середине оставляется свободный проход. Снаружи вся эта группа шалашей обнесена плетнем, со входом против прохода. Вход закрыт воротами из жердей. Шалаши каждый год устраиваются заново, и летовка ежегодно переносится в зависимости от того, в каком районе пастбищ на данный год скот может найти лучший подножный корм.

---

[1] Материалы Среднеазиатской экспедиции Академии Наук в Таджикистан в 1926 г. (рукопись) хранятся в отделе Передней и Средней Азии Института этнографии Академии Наук СССР.

Мы видим, следовательно, что эти два типа временного жилища тесно связаны с характером летовки и образом жизни, который обусловлен необходимостью перекочевок в горах, поисками кормов для скота. В данном случае налицо, несомненно, скотоводство специфического типа, с которым связаны еще и остатки кочевого образа жизни. Район перекочевок ограничен, во-первых, правами отдельных селений на определенные территории пастбищ и, во-вторых, земледелием, обработкой почвы и возделыванием злаков, что не дает возможности откочевывать в слишком отдаленные от селений места.

Некоторые другие особенности быта ягнобцев заставляют нас видеть в них следы кочевого образа жизни. Мы упоминали о мешках из кожи — хранилищах сыпучих тел; кроме того, можно встретить сосуды из кожи, выдерживающие форму обыкновенных глиняных сосудов. Представляет интерес также ягнобская маслобойка. Это — глиняные сосуды больших размеров; во время сбивания масла завязывают куском материи горло

Рис. 34. Летовка сел. Оби-малик (верхний Варзоб).

и боковое отверстие маслобойки, кладут ее на землю боком и катают. Боковое отверстие служит для проб, чтобы узнать, как сбивается масло и готово ли оно.

Архитектура жилищ, как нам представляется, свидетельствует об известных технических навыках строителей, выработанных еще в то время, когда воздвигались постройки, отвечавшие потребностям кочевого образа жизни.

Возвратимся вновь к различным типам очагов, распространенным в Ягнобе. Мы встречаем там, во-первых, яму для костра, во-вторых, земляную подземную печь (ínkir), в-третьих, очаг на поверхности без дымохода (ínkir) типа таджикского oşton и очаг с дымоходом (qasabá). Мы в праве заключить, что эти четыре типа очага свидетельствуют не о чем другом, как об определенном процессе совершенствования печи и способов отопления жилища. Очевидно, этот процесс шел в следующем направлении. При кочевом образе жизни не было необходимости в устройстве постоянного жилища, не было, безусловно, и печей с дымоходами. Пища приготовлялась на костре. С переходом к оседлости возникает гончарство. Очевидно, вначале вода кипятилась в сосудах способом, который был распространен у наиболее примитивных племен мира. Этнографической науке этот способ достаточно хорошо известен. Воду кипятили в сосудах, по всей вероятности глиняных, при помощи предварительно нагретых на костре камней. „Индейцы Колумбии“... „варят себе пищу в деревянных сосудах или в ямах, вырытых в земле и прикрытых кожами, при помощи накаленных камней“.[1] Эти племена, как сообщает Л. Морган, находились еще на

[1] Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 35.

очень низкой ступени развития, о чем свидетельствует, в частности, способ, каким индейцы кололи дрова, пользуясь при этом клином, сделанным из лосиного рога и обработанным каменным молотком; они не знали еще гончарства.[1] Ягнобцы с изобретением гончарства, естественно, могли употреблять для таких целей глиняные сосуды.

Очевидно, дальнейшим шагом, усовершенствовавшим способы приготовления пищи, было изобретение земляной печи, т. е. ягнобского очага inkir'а. На наш взгляд, изобретение inkir'а связано с развитием гончарства у ягнобцев, при переходе к оседлости и земледелию. Вначале inkir просто закапывался в землю. Назначение inkir'а было служить защитой от обвала стенок ямы. Земляные печи, в которых выпекается хлеб, были еще недавно

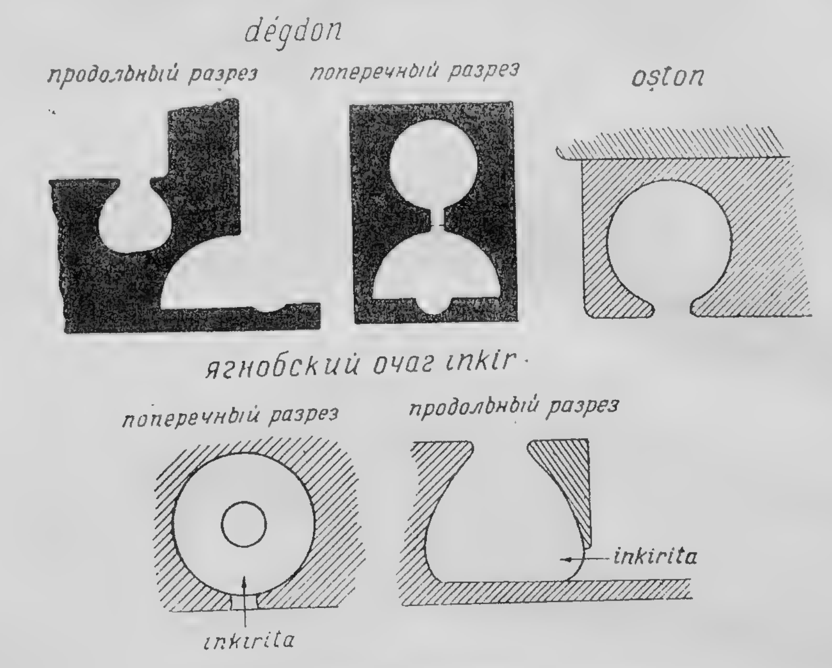


Рис. 35. Типы очагов таджиков и ягнобцев.

распространены у кочевников Средней Азии — узбеков, казахов, а также у иранских племен (белуджей и джемшидов), обитающих в Туркмении. Дальнейшим усовершенствованием явилось устройство специальной площадки, соответствовавшей высоте inkir'а. Такая форма больше способствует сохранению тепла, и в таком очаге лучше выпекается хлеб. Сбоку в нем у основания проделывается отверстие (упомянутое inkirita, inkir-dⁱvara). Inkir заделывается в площадке таким способом, чтобы он стоял ближе к краю площадки и чтобы отверстие его выходило наружу.

Очевидно, такая печь появляется уже вместе с постройкой, предназначенной для постоянного обитания в ней жителей. Этот тип очага остался в Ягнобе и в настоящее время. Дальнейшим совершенствованием очага явилось изобретение надземной печи (oṣton), назначение которой главным образом для варки пищи. Наконец, появление очага с дымоходом обусловлено совершенствованием технических приемов постройки самого жилища, которое теперь уже должно отвечать прочно укоренившемуся оседлому образу жизни. Способ приготовления хлеба у ягнобцев остался прежний,

[1] Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 35.

т. е. еще того времени, когда они жили кочевым образом жизни; у таджиков же Зерафшана он совершенствуется дальше, т. е. появляется надземная печь для выпечки хлеба (tanur), которая представляет собою специально изготовленный сосуд, почти в точности копирующий inkir. Отсутствие дымохода в mur лишь подтверждает наши предположения о том пути, по которому шло развитие очага от специальной площадки для костра до появления печи с дымоходом.

Таким образом нам становятся понятными те параллели и общие наименования, термины, которые мы находим в архитектуре постоянных жилищ в селениях и на летовках. Жилище на летовке — лишь более примитивный тип постоянного жилища. Естественно, что mūr сохранил наиболее архаичные черты в ягнобской архитектуре. Первоначально постройка служит и жильем и помещением хозяйственного назначения, и помещением, где готовят пищу; лишь впоследствии, с переходом к оседлости и земледелию, которое значительно увеличивает запасы пищи, возникает необходимость в помещениях специального назначения, и mūr становится зимним жильем. Разделение помещений в доме на зимние и летние и, далее, постройка отдельных зимних и летних жилищ (сел. Пскон) указывают нам лишь на кочевой образ жизни у ягнобцев в отдаленном прошлом. Кочевой быт отдаленного прошлого по тем этнографическим материалам, которые мы имеем сейчас в своем распоряжении, уже невозможно восстановить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы подошли к концу нашего исследования. Сведем вместе те выводы, которые нами сделаны в связи с описанием и разбором типов жилищ ягнобцев. Попытаемся наметить те стадии развития архитектуры, которые запечатлены в современных постройках. Правда, состояние наших сведений о Ягнобе далеко не исчерпывает вопроса. Главным препятствием здесь служит полное отсутствие археологических данных, без которых этнография в настоящее время не в состоянии выявить и изучить те архитектурные памятники ягнобцев, которые соответствовали наиболее древним этапам их истории.

В условиях современной действительности мы должны рассматривать архаичные архитектурные формы в Ягнобе лишь как пережиточное явление; они должны быть заменены постройками совершенно иного типа, отвечающими быту современного колхозного кишлака.

Наш материал свидетельствует о существовании в Ягнобе до Октябрьской Социалистической революции домашней общины в развитом состоянии, в качестве всеобщей формы семейных отношений. Домашняя община в развитом состоянии существовала и у горных таджиков Вахио-болō, и на западном Памире, и, по нашим данным, у таджиков Варзоба. Здесь, у таджиков и памирцев, мы находим совершенно иной тип жилища: большой дом со многими помещениями специального назначения. Центральной частью жилища является то помещение, где устроен очаг; здесь вдоль по стенам устроены большие земляные нары, так что в центральной части помещения остается проход. Отдельные части нар занимают семьи, входящие в общину, т. е. отдельные пары, состоящие в браке. Такие жилища вполне соответствуют условиям совместного существования и общему домохозяйству большой группы родственников. Между тем в Ягнобе, где нами выявлены несомненные пережитки домашней общины, мы не находим такого большого дома, типа ванджского или памирского.[1] Вместо одного обширного помещения, мы имеем у ягнобцев ряд небольших комнат под общей кровлей, сообщающихся между собой и разделенных наглухо. Вместе с тем техника домостроения ягнобцев менее развита, более примитивна, чем у таджиков.

Выше мы убедились, что наиболее современный тип ягнобского жилища (в частности, у выселенцев), а также помещения для приема гостей в своих архитектурных особенностях многое уже переняли от окружающего таджикского населения. На основании этих данных мы склонны к выводу, что патриархальная община, восприняв тип постройки родовой организации, иного типа жилища не выработала, а лишь только приспо-

[1] См. работу Бобринского „Горцы верховьев Пянджа“ (1907) (в работе помещен план дома), а также упомянутую работу Н. А. Кислякова „Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-болӧ“.

собила его к новым условиям общежития. Несовершенство техники и условия высокогорной местности способствовали консервации старых технических навыков домостроения.

Типы жилищ и характер самого селения в Ягнобе заставляют нас предполагать следующие стадии развития архитектуры.

Первая стадия. Первоначально селения ягнобцев, повидимому, представляли собой группы землянок и укрытий в скалах, защищенных искусственными стенами из естественного камня. Характер летовки подсказывает, что первые поселения ягнобцев представляли собой группы жилищ, землянок или полуземлянок, соединенных между собой ходами сообщения и внутренними проходами, причем возможно было использование естественных пещер в качестве жилья. Это были, безусловно, родовые поселения. Казалось бы, что совместное сожительство большого числа лиц предполагает и жилище больших размеров. Однако в условиях высокогорной местности возведение больших сооружений сопряжено с большими трудностями. При несовершенстве техники и неразвитости технических приемов в строительстве, нельзя предполагать наличие у древних обитателей Ягноба таких зданий, состоящих всего из одного помещения, где свободно могли бы размещаться группы в несколько сот человек. Очевидно, необходимость вынуждала к возведению многих жилых помещений (землянок) или к использованию пещер, соединенных для удобства ходами сообщения. В этом отношении для нас чрезвычайно важно указание Моргана о направлении процесса техники строительства. „Банделир подал мне недавно важную мысль, что поскольку какой-либо прогресс или улучшение в архитектуре, в стиле или характере строения может быть различаем, постольку, повидимому, переходили от меньших комнат к более обширным, причем параллельно с этим уменьшался размер самого дома по основным измерениям (разрядка наша. — *А. К.*). Это обстоятельство, в частности, иллюстрируется домами в Юкатане, где отдельные комнаты в редких случаях были найдены длиною в 60 футов, но где размер дома по основным измерениям гораздо меньше подобных же домов Новой Мексики. То же самое можно заключить при рассмотрении некоторых очень древних развалин пуэбло в Новой Мексике на запад от Рио-Гранде около Санто-Доминго. Там пуэбло походило скорее на группу келий, нежели на комнаты, так как многие из них были всего 4—5 футов в квадрате, сильно различаясь от ныне заселенных пуэбло. То же самое можно видеть в Тоасе“.[1]

Действительно, наш материал говорит о том же самом процессе. Если сравнить многосемейные жилища-кварталы ягнобцев с большими домами таджиков Ванджа, Варзоба и других районов, то здесь мы тоже имеем переход от меньших жилых помещений к бо́льшим и уменьшение площади самого дома по основным измерениям. Ягнобское многосемейное жилище занимает бо́льшую площадь и состоит из ряда небольших помещений. „Большой дом“ таджиков состоит всего из нескольких обширных помещений и занимает площадь значительно меньшую, нежели ягнобские жилища, которые в большинстве, как мы знаем, либо пристроены друг к другу, либо представляют собою общие дома для нескольких семей. Тем более подземные жилища-землянки либо защищенные укрытия в скалах, как правило, не могли быть больших размеров.

Родовая коммунистическая община занимала целиком такое поселение. Отдельные помещения в нем принадлежали группам сородичей, связанным по понятиям того времени более близкими связями родства, нежели все остальные члены этого хозяйствующего коллектива, т. е., вероятнее

---

[1] Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 139.

всего, в них помещались отдельные пары, состоящие в браке, с детьми. Это общество, было организовано на принципе матернитета.

Вторая стадия заключалась в дальнейшем прогрессе техники домостроения. Жилище как бы выносится на поверхность. Выводятся стены каменной кладки; планировка жилищ и общий характер поселения остаются прежними. Этой стадии соответствует современная летовка. Первая и вторая стадии в развитии жилища, очевидно, соответствовали еще кочевому образу жизни; поселения были обитаемы в зимнее время, когда люди должны были искать для себя и своего скота защиты от холодов. Жилище, как на летовке, не выдерживает правильной геометрической формы, так как в предыдущие стадии строительное дело заключалось лишь в использовании под жилье естественных укрытий, а форма самого помещения, стены его (естественные и искусственные), зависели полностью от естественных условий места, выбранного для поселения. Были ли у ягнобцев, кроме зимовок, еще летние переносные жилища и какой формы, сказать сейчас невозможно. Мы знаем лишь, что у таджиков соседних районов такие жилища существуют и в настоящее время. Это упомянутая нами юртообразная кара. Если у ягнобцев-кочевников были летние переносные жилища, то, очевидно, это были также юртообразные жилища.

Третья стадия — изобретение гончарства, широкое применение в быту глиняной посуды (вероятно, еще на предыдущих стадиях) привели, в свою очередь, к изобретению кирпича-сырца. Морган, рассматривая постройки и развалины жилищ Новой Мексики, приходит к следующему предположению: „Кирпич, высушенный на солнце, вероятно, вошел в употребление раньше, чем камень (обработанный орудиями. — *А. К.*), потому что распространение глиняного производства должно было рано или поздно навести людей на мысль об употреблении его в качестве строительного материала. Во всяком случае, все постройки, которые можно считать древнейшими остатками архитектуры Новой Мексики, как, напр., Casas grandes и на рр. Джила и Салина, сделаны из кирпича-сырца".[1]

В Ягнобе мы находим жилища, сложенные равно как из кирпича-сырца, так и из неотесанного камня (сланца). Если мы обратимся к древнейшим памятникам архитектуры в Ягнобе, к развалинам укреплений qal'a (крепость), то мы убедимся, что здесь основным строительным материалом служил сланец. В среднем Ягнобе близ сел. Пильровут, на левом берегу р. Ягноб, на большой высоте расположены осмотренные нами развалины укрепления. Несколько выше этого селения расположены развалины другой крепости. Сохранились развалины башен и остатки крепостных стен. Башни с амбразурами указывают на оборонительный характер этого сооружения. Местному населению ничего неизвестно о времени сооружения этих построек. Нам не удалось выявить никаких воспоминаний либо легенд, связанных с этими укреплениями. Башни и стены этих укреплений сложены из плиток сланца и скреплены глиной, как и в современных постройках ягнобцев. Никаких признаков кирпича-сырца нами обнаружено не было, что, однако, не говорит о том, что кирпич-сырец не применялся вовсе строителями. Как показали результаты раскопок согдийского замка на горе Муг, кирпич-сырец употреблялся в качестве строительного материала уже в первой четверти VIII в. н. э. Стены этого замка до высоты 0.83 м от пола сложены из сланца, а выше — из кирпича-сырца. Из кирпича-сырца были сложены еще обвалившиеся своды. Стены комнат были оштукатурены глиной, в смеси с саманом, т. е. таким же способом, какой распространен сейчас повсеместно в Средней Азии, а также и у ягнобцев. Согдийские документы, найденные в этом здании, датируются

[1] Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 90.

первой четвертью VIII в. н. э.[1] Следовательно исторический памятник свидетельствует о том, что кирпич-сырец употреблялся в постройках на территории верхнего бассейна р. Зерафшан уже в VIII в. Вместе с тем наличие стен из сланца, скрепленного глиной, свидетельствует о том, что до распространения кирпича-сырца постройки воздвигались из естественного камня. Основания стен в замке на горе Муг для большей крепости сложены из камня; из кирпича-сырца выложены только верхняя часть стен и своды. Оборонительная стена около того же замка сложена из камня. Как видно, техника сооружения сплошных стен из кирпича-сырца еще не была знакома строителям этого замка. Между тем памятники более близких нам эпох, в частности резиденции феодалов XVIII и XIX вв., имеют сплошные стены из кирпича-сырца. К таким памятникам могут быть отнесены, напр., резиденции беков Восточной Бухары в Гиссаре, Каратегине, а также укрепления в долине Зерафшана. Следовательно, вывод, к которому мы можем притти, должен быть следующим. До появления кирпича-сырца основным строительным материалом при возведении жилищ в бассейне р. Зерафшан мог быть только естественный, необработанный камень.

С развитием гончарства связано и изобретение ягнобского очага (ínkir'a). Мы знаем, что, по существу, он представляет собою большой глиняный конусообразный цилиндр. Изготовляется он так же, как и посуда, т. е. так называемым ленточным способом, путем накладки пластов глины — (лент) друг на друга до желаемой высоты. Разница в длине этих лент, идущих кругами друг над другом, дает желаемую форму сосуда, т. е. с горловиной наверху или без нее. Свойства глины к этому времени были уже знакомы строителям и не только из опыта гончарства, так как глина служила цементирующим материалом при постройке каменных жилищ. Следовательно, на этой стадии начинает применяться кирпич-сырец в качестве строительного материала. Употребление кирпича-сырца приводит к тому, что постройка принимает более правильную, геометрическую форму квадрата или прямоугольника. Развитие строительного дела и появление очага связано, несомненно, с переходом к оседлому образу жизни, когда были исчерпаны естественные условия кочевания в связи с ростом населения и количества домашнего скота. Как известно, Морган предполагал, что возникновение земледелия связано с необходимостью заготовки кормов для скота на те сезоны года, когда отсутствует подножный корм. Это обстоятельство, по его мнению, привело к изобретению выращивания трав, растений, т. е. кормов для скота. Те же самые указания есть и у основоположников марксизма. Мы можем только повторить эту мысль. Появление земледелия, пашен еще больше сужает территорию кочевания и, в конце-концов, приводит к оседанию, к возникновению постоянного поселения и типа жилища, соответствующего новым условиям существования, хозяйствования и общежития. Согласно учению основоположников марксизма, увеличение стад было одним из основных условий, способствовавших возникновению патриархата. Мы можем предполагать развитие на этой стадии большой постройки, общего дома, со многими помещениями для семей родственников, живущих общим патриархальным домохозяйством.

Четвертая стадия в развитии архитектуры соответствует разложению патриархальной общины, выделению индивидуальной семьи, как первичной хозяйственной ячейки общества. Появляется индивидуальная постройка, отдельный дом для семьи, не связанной с сородичами прямыми

---

[1] А. А. Фрейман. Находка согдийских рукописей и памятников в Таджикистане. Согдийский сборник, Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1934, стр. 8.

экономическими связями. Однако естественные условия Ягноба, неразвитость техники, как сказано, способствовали консервации старых навыков домостроения, и в качестве пережиточного явления остается еще общая постройка для многих семей, не состоящих уже в родственных и прямых экономических связях. Этой стадии соответствует современный, общераспространенный тип постройки. Само собой разумеется, что еще на третьей стадии можно отметить начало дифференциации в типе жилища по социальному признаку (классы). Социальные и имущественные различия обитателей сказывались в величине и количестве помещений в доме, в отделке его, в убранстве и домашней обстановке.

Эти стадии архитектуры ягнобцев, как можно судить, соответствовали условиям общежития в различные исторические эпохи. Слишком отдалено от нас то время, когда древние обитатели Ягноба и смежных с ним районов жили родовым строем. Не имея для этого в настоящее время прямых доказательств, этнография находит выход в изучении ягнобского жилища и традиций первобытного коммунизма в семейной, хозяйственной и общественной жизни. Изучение архаичных форм ягнобской архитектуры приобретает особый интерес, потому что здесь мы можем искать ключ к пониманию многих этнографических особенностей населения горного Таджикистана.

1937 г.

A. KONDAUROV

LA COMMUNAUTÉ DOMESTIQUE PATRIARCALE ET LES MAISONS COMMUNALES CHEZ LES YAGHNOBIENS

Résumé

Le travail ci-dessus est basé sur les matériaux rassemblés personnellement par l'auteur au cours de ses voyages au Yaghnob accomplis en 1934 et 1936.

Les Yaghnobiens sont une petite peuplade apparentée aux Tadjiks comptant environ 2500 individus qui habitent sur le territoire de la République soviétique socialiste des Tadjiks, dans la vallée de haute montagne du Yaghnob, affluent gauche du Zéravchan, et sur les versants sud de la chaîne de Ghissar. Ils ont conservé jusqu'à nos jours dans leur langue des restes de l'ancienne langue sogdienne, qui subsistent également dans la toponymie locale chez les Yaghnobiens et les Tadjiks des régions montagneuses s'étendant au nord de la chaîne de Ghissar. De ce fait, l'étude ethnographique des Yaghnobiens et des Tadjiks montagnards voisins offre un grand intérêt; on peut présumer en eux des descendants de la population de l'ancienne Sogdiane et dans la langue yaghnobienne des vestiges de la langue sogdienne, que parlaient, comme on sait, les habitants de la Boukhara encore au X-e siècle de notre ère.

L'auteur décrit les différents types d'habitations d'Yaghnobiens, considérés par lui comme des monuments matériels des divers stades du développement social des Yaghnobiens; il se base dans son analyse sur la doctrine du marxisme-léninisme et sur la conception matérialiste de l'illustre ethnographe américain L. Morgan.

Le Yaghnob, ce pays de haute montagne, sauvage et jadis isolé du monde extérieur, a conservé jusqu'à la révolution socialiste d'Octobre, en raison de son retard économique, des survivances des relations de clan et de la famille patriarcale et d'autres restes du communisme primitif. Ces restes se laissent constater encore aujourd'hui, mais ils disparaissent rapidement au cours de l'édification socialiste, ne se maintenant plus qu'à l'état de vagues réminescences et de certaines traditions, ainsi que sous forme de monuments matériels — habitations de type ancien, peu à peu remplacées par des constructions nouvelles répondant au genre de vie socialiste actuel des kolkhosiens.

Dans le passé, les Yaghnobiens pratiquaient l'entr'aide des covillageois au cours des travaux agricoles et le secours mutuel en produits alimentaires, rendu nécessaire par la technique arriérée de leur économie et l'insuffisance des provisions résultant de l'exploitation de la population laborieuse par les propriétaires qui constituaient la couche supérieure de la société. A côté des terres labourables, réparties entre les particuliers, il existait des pâturages et des prairies communales. L'hospitalité et quelques autres traditions remontant à la société communiste primitive étaient largement répandues jusqu'à ces derniers temps.

Les villages des Yaghnobiens se divisent en quartiers habités de préférence par des individus apparentés. Certains quartiers représentent des habitations communes occupées par un grand nombre de familles. On constate deux types de logis: maison commune ou vivent de nombreuses familles dont les ancêtres faisaient ménage commun, et habitations pour une seule famille qui a depuis longtemps perdu tout lien économique direct avec ses coparents. L'étude du village et de l'habitation des Yaghnobiens amène l'auteur à la conclusion qu'ils s'établissaient jadis par clans, d'après leurs relations de parenté.

L'auteur constate des stades déterminés dans le développement de l'art même de bâtir. L'étude des habitations et du genre de vie dans les séjours d'été lui donne des raisons de supposer que les ancêtres de la population actuelle du Yaghnob furent à quelque époque des pasteurs nomades. En hiver, ces nomades vivaient dans des villages d'hiver temporaires formés de huttes de terre ou d'habitations en pierre. On peut juger de l'architecture de ce temps par les demeures d'été actuelles, où émigre une partie de la population pour s'occuper du bétail qui paît dans les montagnes. Ici règne aussi le principe de l'établissement d'après les liens de parenté; on y rencontre également des habitations communes abritant un grand nombre de familles. On peut présumer que l'habitation d'été constitue le prototype de la maison d'hiver permanente de l'agriculteur sédentaire.

Les maisons pour nombreuses familles reflètent le processus du déclin de la communauté patriarcale. Avant elles existait la maison commune habitée par un grand nombre d'individus, membres d'une même collectivité économique. Les conditions de haute montagne ont contribué dans le passé à maintenir en usage les procédés techniques de construction d'habitations communales.

L'auteur constate chez les Yaghnobiens du cours supérieur du Warzob, émigrés du Yaghnob, les mêmes traditions et coutumes que dans la vallée du Yaghnob même. Les constructions des Yaghnobiens du Warzob sont toutefois plus parfaites et mieux adaptées au genre de vie actuel des kolkhosiens. En même temps, on note beaucoup de traits communs dans le genre de vie des Yaghnobiens et des Tadjiks montagnards voisins, ce que s'explique non par des emprunts culturels, mais par les stades communs d'évolution sociale traversés par les Yaghnobiens et les Tadjiks montagnards.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*	*По чьей вине*
8	1 сверху	„Сам	„Само	Типогр.
20	14 „	„B̋ób̋ó-i-Dehq̋ón'a“.	„B̋ób̋ó-i-Dehq̋ón“a	Автора
20	17 снизу	“Как	„Как	„
24	8 „	čojǰ̌uş (чайники),	čojçuş , чайники,	„
29	3 „	„zǫi“	„zōi̯“	„
30	4 сверху	согдийским	согдийское	„
61	на рис. 25	sari de	sari degdőn	„
69	7 сверху	скрепляющей массы	скрепляющей массой	„

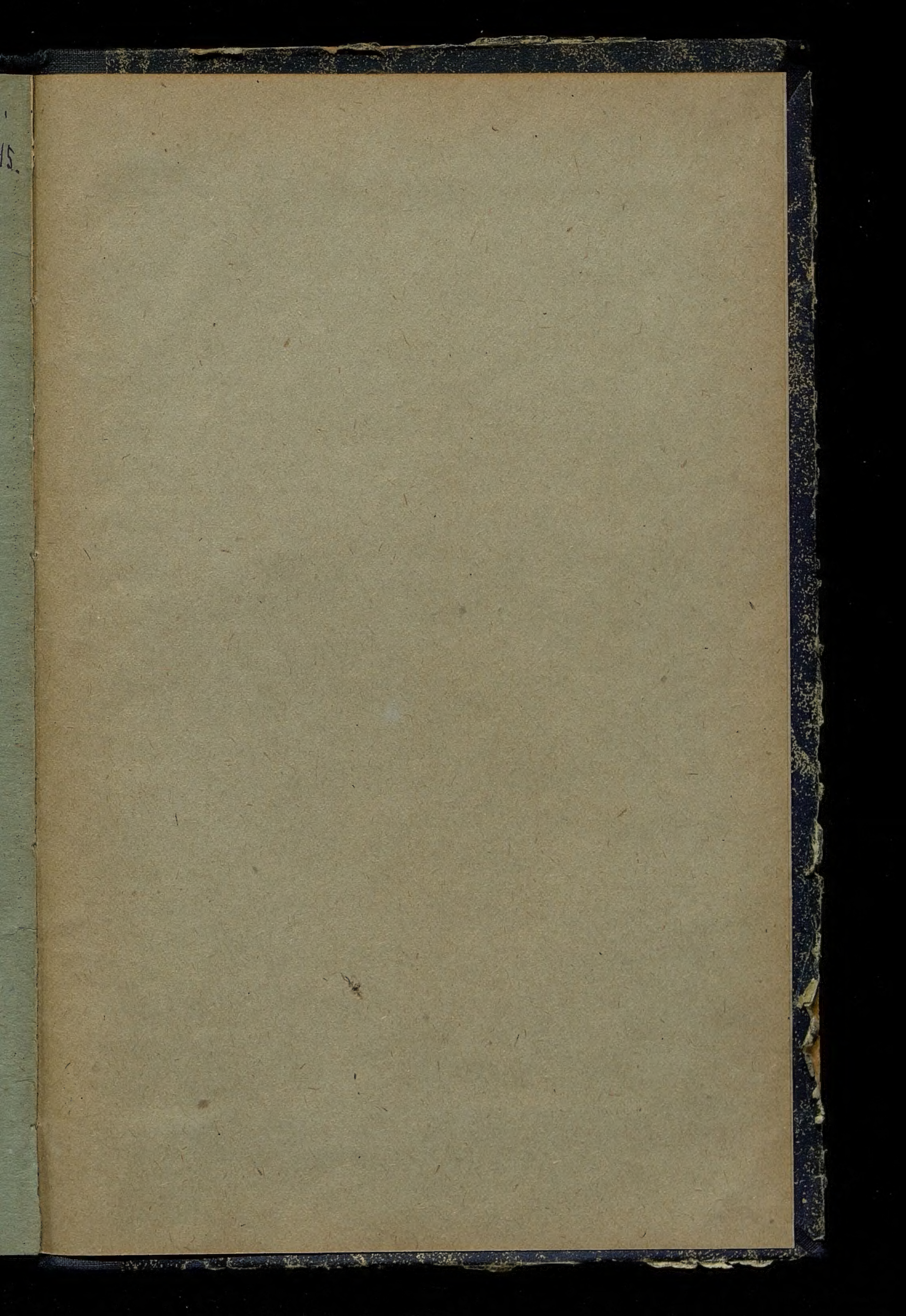
На стр. 30 выпала ссылка на работу С. И. Климчицкого „Название Согдианы в топонимике Таджикистана“ (Записки инст. Востоковедения Академии Наук СССР, 1937, VI, стр. 10—11), относящаяся к абзацу, начинающемуся на стр. 29 с 10-й строки снизу словами „Наименования селений ...“ и оканчивающемуся на стр. 30 на 4-й строке сверху словами „...и ряд других“. *Автор.*

А. Н. Кондауров.

Les villages des Yaghnobiens se divisent en quartiers habités de préférence par des individus apparentés. Certains quartiers représentent des habitations communes occupées par un grand nombre de familles. On constate deux types de logis: maison commune ou vivent de nombreuses familles dont les ancêtres faisaient ménage commun, et habitations pour une seule famille qui a depuis longtemps perdu tout lien économique direct avec ses coparents. L'étude du village et de l'habitation des Yaghnobiens amène l'auteur à la conclusion qu'ils s'établissaient jadis par clans, d'après leurs relations de parenté.

L'auteur constate des stades déterminés dans le développement de l'art même de bâtir. L'étude des habitations et du genre de vie dans les séjours d'été lui donne des raisons de supposer que les ancêtres de la population actuelle du Yaghnob furent à quelque époque des pasteurs nomades. En hiver, ces nomades vivaient dans des villages d'hiver temporaires formés de huttes de terre ou d'habitations en pierre. On peut juger de l'architecture de ce temps par les demeures d'été actuelles, où émigre une partie de la population pour s'occuper du bétail qui paît dans les montagnes. Ici règne aussi le principe de l'établissement d'après les liens de parenté; on y rencontre également des habitations communes abritant un grand nombre de familles. On peut

Цена 3 р. 50. к.



ИЭ
Эж-845'
сер. этногр
т. 3, вып. 1, 1940